

БУРНЫЙ МЕСЯЦ.

Русское общество уже теперь должно было убедиться в том, что реакционная дерзость самодержавного правительства не имеет никаких пределов, кроме активного революционного сопротивления граждан, что политическая дряблость управляемых только питает безумное стремление управляющих стереть с лица земли все, что хоть отдаленно напоминает о праве, о законности, о свободе. Без всяких видимых поводов, в силу одного только ненасытного стремления упразднить все зародыши самостоятельности населения, правительство повело против последнего атаку по всей линии: поход на Финляндию, поход на народную школу, поход на земство, поход на печать, поход на университеты. В конце развращенное слабым отпором русского общества, правительство дерзнуло, наконец, бросить ему в лицо один за другим два дерзких вызова: насильно бросить в казарму две сотни юношей, виновных в нарушении порядка в университете, и торжественно осудить популярнейшего писателя, всемирную славу России. Безумие угнетателей часто оказывает услуги делу свободы. Правительство Николая II захотело окончательно задуть русское общество, оно вызвало первый взрыв революционной бури. Высказанное нами в прошлом номере пожелание, чтобы рабочие пришли на помощь студентам в поднятой ими борьбе против правительства, осуществилось ранее, чем нас успели обругать за него те, кто в подобных стремлениях готовы усмотреть «народовольческие» затеи, недостойные представителей рабочего движения. В ряде крупных демонстраций в Петербурге, Москве, Харькове, Киеве и Белостоке русские рабочие самым недвусмысленным образом показали, что готовы плечо о плечо с революционными элементами «общества» активно бороться против гнета самодержавия. На обе безумные выходки зарвавшегося правительства — отдачу студентов в солдаты и торжественное отлучение Толстого — пролетариат громко ответил выражением своей солидарности и с «бунтующими» студентами и с отлученным писателем.

Активное участие рабочих в политических демонстрациях бурного месяца придало им совершенно особое значение и открыло новую эпоху в русской истории. Печать всех стран Западной Европы отмечает этот исторический факт. Теперь от политической зрелости русского общества будет зависеть, сумеет ли оно понять этот факт и извлечь из него все практические следствия, сумеет ли оно усилить, опираясь на помощь пролетариата, революционный размах своей борьбы с азиатским самодержавием и проявить достаточную энергию не только в обороне, но и в прямом нападении на ненавистный строй. Борцам за свободу теперь уже непозволительно опасаться, что они останутся одиноки в своей борьбе,

что они не найдут поддержки в народных массах. И организованный пролетариат получил теперь право надеяться, что «общество» поймет, наконец, политический смысл ведущейся им борьбы и что оно признает первенствующее политическое значение рабочего движения в современной России.

Для нас, социал-демократов, события, имевшие место в феврале и марте, имеют особое значение. Ими, надо надеяться, окончательно решен практически терзавший в последние годы нашу партию спор о том, может ли наш пролетариат в данное время вести политическую борьбу, или может ли такая борьба возникнуть иначе, как непосредственно на почве стачечного движения. Мы — сторонники революционной политической борьбы пролетариата — можем торжествовать: русский пролетариат доказал своим близоруким друзьям правоту той точки зрения, которую мы отстаивали. Помимо своих руководителей*, пролетариат ринулся в бой, когда увидел, что радикальная часть общества готова не на шутку померяться с правительством. Этого факта уже нельзя замалчивать, с ним придется считаться волей-неволей, и русская социал-демократия должна будет поставить в основу своей практической деятельности это явное стремление рабочих масс принять активное участие в освободительной борьбе всей русской демократии; она должна будет сделать это, если не пожелает остаться за бортом, если не пожелает передать своего права на руководство движением пролетариата другим политическим силам.

Но участие русского пролетариата в русской освободительной борьбе будет тем плодотворнее для его классовых интересов, для его конечных целей, а вместе с тем и для интересов демократической свободы, чем сознательнее будут бороться политически рабочие массы, чем самостоятельнее будут они проводить в общем политическом движении свою политику. Если для всех недовольных элементов русского общества в начавшейся борьбе дело идет, главным образом, об обуздании невыносимого полицейского самодержавия, то для пролетариата в его классовых интересах, в интересах его конечных целей и в интересах непосредственного улучшения его положения необходимо низвержение самодержавия и основание свободной демократии, обеспечивающей пролетариату легальную защиту его классовых интересов. И первый долг русской социал-демократии в ее будничной работе, дать такое политическое воспитание пролетариату, чтобы в критические моменты, какими являются переживаемые нами дни, он сумел ясно и резко выразить в общем хоре недовольных эту свою ноту. Надо при-

* Только в Харькове и особенно в Киеве социал-демократические организации активно содействовали вовлечению рабочих в демонстрации последнего времени.

знать, что с этой точки зрения события февральских и мартовских дней наглядно показали, что нашей партии еще много осталось работать в указанном направлении. И остается пожелать, чтоб она немедленно и повсюду с удвоенной энергией приступила к этой благодарной работе.

Те же события показали соответствующие недостатки и нашей организации. Приспособленные к пропаганде и к повседневной агитации, наши организации не пригодны еще к тому, чтобы руководить массовыми демонстрациями, благодаря чему последние много теряют в силе и оформленности. События, подобные только что пережитым нами, конечно, случаются не часто; но во 1-х, надо ожидать, что они будут становиться все чаще; а во 2-х, как бы они ни были редки, партия должна быть готова к ним, чтобы всегда суметь с наименьшей затратой жертв добиться наибольших результатов. При лучшей организации никакие полицейские ухищрения не помешали бы рабочим явиться в назначенный час в назначенное место; при лучшей подготовке организованных сил толпа не оказалась бы так беспомощной, когда войска стали подвергать ее избиению. При надлежащей организации удалось бы все протестовавшие массы сконцентрировать в одном пункте и рассеянную в одном месте толпу собрать в другом. При наличности такой организации можно было бы в ходе манифестации направлять внимание толпы на новые и новые поводы для выражения своего протеста и на каждый акт произвола и насилия властей отвечать актом революционного насилия против, скажем, правительственных зданий или органов мракобесия. Одним словом, чтобы бороться с правительством на площадях и улицах, наша партия должна реформировать свою организацию. Но та же реформа организации необходима и для выполнения более широкой агитационно - политической работы.

На массовые народные протесты царское правительство ответило мерами кровавого насилия, избиением и убийством безоружных людей, опубликованием плана военной кампании против непокорного населения крупных центров (см. циркуляр Сипягина от 12 марта). Тысячами жертв правительство пытается, конечно, отомстить за то, что оно пережило за эти дни, за позорный побег царя из своей столицы в день 4 марта, за освидетание его высочайшего наместника в Москве. Всеми этими мерами правительство не сможет залечить той глубокой, кровью сочащейся раны, которую оно получило в эти дни. Как бы ни бесновалась реакция, того, что сделано, она не отнимет у революции, — она не уничтожит состоявшегося сближения между радикальной интеллигенцией и народными массами на почве революционной борьбы, она не отнимет у народа той революционной выучки, которую он приобрел в этот месяц, она не сможет погасить ярко блеснувшего в эти дни общего сознания того, насколько непримиримо враждебны, бесконечно чужды друг другу два столкнувшихся мира — старая Россия, мир казацкой нагайки и полицейского насилия, мир ханжей святейшего синода, мечтающих о кострах для еретиков и их сочинений, мир продажных ученых и продажной печати, защищаемых от народа вооруженной силой, и мир свободной мысли и пролетарского энтузиазма, молодая, рвущаяся к свету и к свободе Россия. А потому, какие бы новые удары ни ждали в ближайшем будущем

борцов за свободу, как бы ни казалось тягостно могущее наступить затишье после только - что разыгравшейся бури, нам не придется падать духом, не придется сомневаться в будущем нашего дела. Ненавистные цепи, сковывающие молодую Россию, уже надорваны; еще ряд героических усилий, и они разлетятся в прах. Как бы ни повлияли на массу новые реакционные меры правительства, мы смело можем смотреть в лицо будущему и обратиться к товарищам со словами поэта:

Пускай же сгущаются мрак и ненастье,
Пусть дикая пурга о смерти поет,
Верь в молодость, верь в ее силу и счастье,
Зови ее словом отважным вперед.

[Л. Мартов]

РАБОЧАЯ ПАРТИЯ И КРЕСТЬЯНСТВО I.

Минуло сорок лет со времени освобождения крестьян. Вполне естественно, что наше общество с особым одушевлением празднует день 19 февраля — день падения старой крепостной России, начало эпохи, которая сулила народу свободу и благосостояние. Но не надо забывать, что в хвалебных речах празднующих наряду с искренней враждой к крепостничеству и всем его проявлениям есть масса лицемерия. Насквозь лицемерна и лжива та оценка «великой» реформы, которая стала у нас ходячей: «освобождение крестьян с землей при помощи государственного выкупа». А на самом деле это было освобождение крестьян от земли, потому что от тех наделов, которыми в течение веков владели крестьяне, были сделаны громадные отрезки, а сотни тысяч крестьян были совсем обезземелены — посажены на четвертной или нищенский надел. На самом деле, крестьяне были ограблены вдвойне: мало того, что у них отрезали землю, их заставили еще платить «выкуп» за оставленную им и всегда бывшую в их владении землю, и притом выкупная цена земли была назначена гораздо выше действительной ее цены. Сами помещики десять лет спустя после освобождения признавались перед правительственными чиновниками, исследовавшими положение сельского хозяйства, что крестьян заставили платить не только за свою землю, но и за свою свободу. И взявши выкуп за личное освобождение, крестьян все же не сделали свободными людьми: их оставили на 20 лет временно обязанными, их оставили — и они по сию пору остаются — низшим сословием, подлежащим розге, платящим особые подати, не смеющим свободно выйти из полукрепостной общины, свободно распорядиться своей землей, свободно поселиться в любой местности государства. Не о великодушии правительства свидетельствует наша крестьянская реформа; напротив, она является величайшим историческим примером того, до какой степени изгаженным выходит всякое дело из рук самодержавного правительства. Под давлением военного поражения, страшных финансовых затруднений и грозных возмущений крестьян правительство прямо-таки вынуждено было освободить их. Сам царь признался, что надо освобождать сверху, пока не стали освобождать снизу. Но, взявшись за освобождение, правительство сделало все возможное и невозможное, чтобы удовлетворить алчность «обижаемых» крепостников; правительство не остановилось даже перед

такой гнусностью, как подтасовка людей, призванных осуществить реформу, — хотя эти люди были призваны из числа дворян же! Мировые посредники первого призыва были распущены и заменены людьми, неспособными отказать крепостникам в об'егоривании крестьян и при самом размежевании земли. И великая реформа не могла быть приведена в исполнение без помощи военных экзекуций и расстреливания крестьян, отказывавшихся принимать уставные грамоты. Не удивительно, что лучшие люди того времени, сдавленные цензурным намордником, встретили эту великую реформу проклятием молчания...

«Освобожденный» от барщины крестьянин вышел из рук реформатора таким забитым, обобранным, приниженным, привязанным к своему наделу, что ему ничего не оставалось, как «добровольно» идти на барщину. И мужик стал обрабатывать землю своего прежнего барина, «арендуя» у него свои же отрезные земли, подражаясь зимой — за ссуду хлеба голодающей семье — на летнюю работу. Отработки и кабала — вот чем оказался на деле тот «свободный труд», призвать на который «божие благословение» приглашал крестьянина манифест, составленный попом-иезуитом.

А к этому помещичьему гнету, сохраненному благодаря великодушию создавших и осуществлявших реформу чиновников, прибавился еще гнет капитала. Власть денег, придавшая даже, напр., французского крестьянина, освобожденного от помещичьей власти не жалкой, половинчатой реформой, а могучей народной революцией, — эта власть денег всей своей тяжестью обрушилась на нашего полукрепостного мужика. Доставать деньги нужно было во что бы то ни стало: и на уплату податей, увеличенных благодетельной реформой, и на наем земли, и на покупку тех нищенских продуктов фабричной промышленности, которые стали вытеснять домашние продукты крестьянина, и на покупку хлеба и проч. Власть денег не только придавила, но и расколола крестьянство: громадная масса неуклонно разорялась и превращалась в пролетариев, меньшинство выделяло кучки немногочисленных, но цепких кулаков и хозяйственных мужиков, прибиравших к рукам и крестьянское хозяйство и крестьянские земли, составляющих кадры нарождающейся сельской буржуазии. Все пореформенное сорокалетие есть один сплошной процесс этого раскрестьянивания, процесс медленного, мучительного вымирания. Крестьянин был доведен до нищенского уровня жизни: он помещался вместе со скотиной, одевался в рубище, кормился лебедой; крестьянин бежал от своего надела, когда только было куда бежать, даже откупаясь от надела, платя тому, кто соглашался взять надел, платежи с которого превышали его доходность. Крестьяне голодали хронически и десятками тысяч умирали от голода и эпидемий во время неурожаев, которые возвращались все чаще и чаще.

Так стоит дело в нашей деревне и сейчас. Спрашивается, в чем искать выхода и какими средствами добиваться улучшения участи крестьянина? От гнета капитала мелкое крестьянство может избавиться, только примыкая к рабочему движению, помогая ему в его борьбе за социалистический строй, за превращение земли, как и других средств производства (фабрик, заводов, машин и пр.) в общественную собственность. Пытаться спасти крестьянство защитой мелкого хозяйства и мелкой собственности от натиска капитализма значило бы бесполезно

задерживать общественное развитие, обманывать крестьянина иллюзией возможного и при капитализме благосостояния, раз'единять трудящиеся классы, создавая меньшинству привилегированное положение за счет большинства. Вот почему социал-демократы всегда будут бороться против таких бессмысленных и вредных учреждений, как неотчуждаемость крестьянских наделов, круговая порука, запрещение свободного выхода из крестьянской общины и свободного приема в нее лиц каких угодно сословий! Но наш крестьянин страдает, как мы видели, не только и даже не столько от гнета капитала, сколько от гнета помещиков и от остатков крепостничества. Беспощадная борьба против этих пут, неизмеримо ухудшающих положение крестьянства и связывающих его по рукам и ногам, не только возможна, но и необходима в интересах всего общественного развития страны, ибо безысходная нищета, темнота, бесправие и приниженность мужика кладет на все порядки нашего отечества отпечаток азиатчины. И социал-демократия не исполнила бы своего долга, если бы не оказала всей и всяческой поддержки этой борьбе. Такая поддержка должна выразиться, коротко говоря, во внесении классовой борьбы в деревню.

Мы видели, что в современной русской деревне со-вмещаются двоякого рода классовые противоположности: во-первых, между сельскими рабочими и сельскими предпринимателями, во-вторых, между всем крестьянством и всем помещичьим классом. Первая противоположность развивается и растет, вторая постепенно ослабевает. Первая — вся еще в будущем, вторая — в значительной степени уже в прошлом. И несмотря на это, для современных русских социал-демократов именно вторая противоположность имеет наиболее существенное и наиболее практически важное значение. Что мы должны пользоваться всеми представляющимися нам поводами для развития классового самосознания в сельско-хозяйственных наемных рабочих, что мы должны обратить внимание поэтому на переселение в деревню городских рабочих (напр., механиков, занимаемых при паровых молотилках и т. п.), на рынки найма сельско-хозяйственных рабочих — это понятно само собой, это аксиома для всякого социал-демократа.

Но наши сельские рабочие еще слишком крепко связаны с крестьянством, над ними слишком еще тяготеют общекрестьянские бедствия, и поэтому общенационального значения движение сельских рабочих никак не может получить ни теперь, ни в ближайшем будущем. Наоборот, вопрос о сметании остатков крепостничества, о вытравлении из всех порядков русского государства духа сословной неправомерности и принижения десятков миллионов «простонародья», — этот вопрос уже сейчас имеет общенациональное значение, и партия, претендующая на роль передового борца за свободу, не может отстраниться от этого вопроса.

Признание бедствий крестьянина сделалось теперь (в более или менее общей форме) почти всеобщим, фраза о «недостатках» реформы 1861 г. и о необходимости государственной помощи стала ходячей истиной. Наш долг указывать на то, что эти бедствия происходят именно от классового угнетения крестьянства, что правительство — верный защитник классов угнетателей, что не помощи от него, а избавления от его гнета, завое-

вания политической свободы должны добиваться те, кто искренно и серьезно хочет коренного улучшения положения крестьян. Говорят о чрезмерной высоте выкупных платежей, о благотельной мере понижения и пересрочки их правительством. Мы скажем на это, что все эти выкупные платежи — не что иное, как прикрытое законными формами и чиновническими фразами ограбление крестьян помещиками и правительством, не что иное, как дань крепостникам за освобождение их рабов. Мы выдвинем требование немедленной и полной отмены выкупных платежей и оброчных сборов, требование вернуть народу те сотни миллионов, которые годами выколачивало царское правительство для удовлетворения appetитов рабовладельцев. Говорят о малоземельи крестьян, о необходимости государственной помощи для расширения крестьянского землевладения. Мы скажем на это, что именно благодаря государственной помощи — помощи помещикам, разумеется, — крестьяне лишились в такой массе случаев необходимейшей для них земли. Мы выдвинем требование вернуть крестьянам те отрезки, посредством которых продолжает держаться подневольный, кабальный, барщинный, т. е. на деле тот же крепостной труд. Мы выдвинем требование учредить крестьянские комитеты для исправления тех вопиющих несправедливостей, которые наделали по отношению к освобождаемым рабам учрежденные царской властью дворянские комитеты. Мы потребуем учреждения судов, которые бы имели право понижать безмерно высокую плату за землю, взимаемую помещиками, благодаря безвыходности положения крестьян, — судов, перед которыми крестьянин имел бы право преследовать за ростовщичество тех, кто заключает кабальные сделки, пользуясь крайней нуждой другого. Мы будем стараться всегда и по всяким поводам разъяснять крестьянам, что люди, говорящие им об опеке или помощи от современного государства, либо дурачки, либо шарлатаны и худшие враги их, что крестьянству нужно прежде всего избавление от произвола и гнета власти чиновников, нужно прежде всего признание их полной и безусловной равноправности во всех отношениях со всеми другими сословиями, полной свободы передвижения и переселения, свободы распоряжения землей, свободы распоряжения всеми мирскими делами и мирскими доходами. Самые обыденные факты из жизни любой русской деревни могут дать всегда тысячи поводов для агитации во имя указанных требований. Эта агитация должна исходить из местных, конкретных, наиболее назревших нужд крестьян, но не останавливаться на этих нуждах, а неустанно расширять кругозор крестьян, неустанно развивать их политическое сознание, указывать на особое место, занимаемое в государстве помещиками и крестьянами, указывать на единственное средство избавления деревни от висящего над ней гнета произвола и угнетения — созыв народных представителей, низвержение самовласти чиновников. Нелепо и вздорно утверждение, будто это требование политической свободы недоступно сознанию рабочих: не только рабочие, пережившие годы прямой борьбы с фабрикантами и полицией, постоянно видящие произвольные аресты и преследования лучших из их рядов, не только эти зараженные уже социализмом рабочие, но и всякий толковый крестьянин, хоть сколько-нибудь задумывающийся над тем, что он видит вокруг

себя, в состоянии будет понять и усвоить, за что борются рабочие, усвоить идею земского собора, освобождающего всю страну от всевластия ненавистных чиновников. И агитация на почве непосредственных и наиболее насущных нужд крестьянства только тогда будет в состоянии исполнить свою задачу — внести классовую борьбу в деревню, когда с каждым разоблачением того или другого «экономического» зла она сумеет связать определенные политические требования.

Но спрашивается, может ли социал-демократическая рабочая партия внести в свою программу требования, подобные вышеуказанным? Может ли она на себя взять агитацию в крестьянстве? Не поведет ли это к тому, что мы разбросаемся и направим в сторону от главного и единственно надежного русла движения наши революционные силы, и без того столь немногочисленные?

Такие возражения основаны на недоразумении. Да, мы непременно должны внести в свою программу требования об освобождении нашей деревни от всех пережитков рабства, требования, способные вызвать в лучшей части крестьянства, если не самостоятельную политическую борьбу, то сознательную поддержку освободительной борьбы рабочего класса. Мы сделали бы ошибку, если бы стали отстаивать меры, способные задержать общественное развитие, или искусственно оградить мелкое крестьянство от роста капитализма, от развития крупного производства, но еще более губельна была бы ошибка, если бы мы не сумели воспользоваться рабочим движением для распространения в крестьянстве тех демократических требований, которых не исполнила реформа 19 февраля 1861 г., благодаря ее искажению помещиками и чиновниками. Включить такие требования необходимо для нашей партии, если она хочет встать во главе всего народа на борьбу с самодержавием*. Но такое включение вовсе не предполагает, чтобы мы стали звать активные революционные силы из города в деревню. Об этом не может быть и речи. Не подлежит никакому сомнению, что все боевые элементы партии должны стремиться к городам и фабрично-заводским центрам, что только промышленный пролетариат способен на бесповоротную и массовую борьбу против самодержавия, что только этот пролетариат способен вынести на своих плечах такие средства борьбы, как устройство открытой демонстрации или постановка правильно выходящей и широко распространяемой народной политической газеты. Не для того, чтобы отозвать из города в деревню убежденных социал-демократов, не для того, чтобы приковать их к деревне, должны мы внести в свою программу крестьянские требования — нет, а для того, чтобы дать руководство для деятельности тем силам, которые не могут найти себе приложение иначе, как в деревне, для того, чтобы использовать для дела демократии и политической борьбы за свободу те связи с деревней, которые в силу обстоятельств имеются у немалого числа преданных социал-демократии интеллигентов и рабочих и которые по необходимости расширяются и растут вместе с ростом дви-

* Проект социал-демократической программы со включением вышеуказанных требований составлен уже нами. Мы надеемся после обсуждения и переработки этого проекта при содействии гр. «Осв. Тр.» опубликовать в одном из ближайших номеров проект программы нашей партии.

жения. Мы давно уже переросли ту стадию, когда мы были маленьким отрядом добровольцев, когда весь запас социал-демократических сил исчерпывался кружками молодежи, поголовно «ходивших к рабочим». Наше движение располагает теперь целой армией, армией рабочих, затронутых борьбой за социализм и за свободу, — армией интеллигентов, принимавших и принимающих участие в движении и разбросанных уже в настоящее время по всем концам России, — армией сочувствующих, с верой и надеждой взирающих на рабочее движение и готовых оказать ему тысячи услуг. И перед нами стоит великая задача: организовать все эти армии, организовать так, чтобы мы способны были не только устраивать мимолетные вспышки, не только наносить врагу случайные, разрозненные (и потому неопасные) удары, а преследовать врага неуклонной, упорной и выдержанной борьбой по всей линии, травить самодержавное правительство везде, где оно сеет угнетение и пожинает ненависть. А разве возможно достигнуть этой цели, не заноса в многомиллионную массу крестьянства семена классово-борьбы и политического сознания? И не говорите, что такое занесение невозможно: оно не только возможно, оно уже происходит, оно идет тысячами путей, ускользающего от нашего внимания и нашего воздействия. Оно пойдет неизмеримо шире и быстрее, когда мы сумеем дать лозунг для такого воздействия и выкинем знамя освобождения русского крестьянства от всех остатков позорного крепостного права. Приходящий в города деревенский люд и теперь уже с любопытством и интересом присматривается к непонятной для него борьбе рабочих и разносит весть о ней по всяким захолустьям. Мы можем и должны добиться того, что это любопытство сторонних зрителей будет сменяться если не полным пониманием, то хотя смутным сознанием того, что рабочие борются за интересы всего народа, будет сменяться все большим и большим сочувствием к их борьбе. А тогда — день победы революционной рабочей партии над полицейским правительством будет приближаться с нежданно-негаданной для нас самих быстротой.

[Н. Ленин]

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ²

Подавляющее значение за последние месяцы приобрели у нас студенческое движение и народные демонстрации во многих городах. Приводим описание этих событий, составленные на основании около ста сообщений, присланных в редакцию «Искры». Мы шлем горячую благодарность всем корреспондентам, а также лицам, приславшим нам всяческие листки и материалы, и усердно просим их продолжать и расширять свое сотрудничество.

С. - Петербург.

Хронику событий за февраль и начало марта приходится начать с того правительственного сообщения (11 января) об отдаче студентов-киевлян в солдаты, которое мы отметили в № 2 «Искры». Наши указания, что это не чисто студенческий вопрос, что он должен вызвать массовую студенческую забастовку и демонстрации с участием всех классов общества и рабочими во главе их, оправдались в полной мере.

Протест против отдачи студентов в солдаты быстро разгорался в петербургском студенчестве. В большинстве высших учебных заведений — ряд сходок. Принимаются резолюции об устройстве обструкции, о требовании отмены «временных правил». Напр., такое требование предъявили 25 января представители организованного петербургского студенчества (университета, высших женских курсов, институтов: горного, лесного, электротехнического, путей сообщения, женск. медицинского, рождественских курсов, военно-медицинской академии, академии художеств). Ссылаясь на временные правила и на пущенные уже в ход (в Казани) нагайки, они грозили правительству, что оно «разбудит наших отцов, матерей, братьев, сестер, как разбудило уже часть народных масс — рабочих». Выходит масса листков и бюллетеней. Мы не станем утомлять внимательных читателей перечислением всех этих листков, доставленных в редакцию. Отметим две характерные черты: с одной стороны, некоторое уныние и угнетенное настроение студенчества, многие представители которого залуганы азиатским наказанием. «Право, темнее времени не помню, душно стало», сообщает один корреспондент от конца января, после того как участь 183 киевских студентов разделили 27 петербургских. «Настроение такое удрученное, так запуганы все, что теперь, что хочешь делай, все пройдет без возражений». Борьба между радикальным студенчеством («обструкционистами», т. е. стоявшими за стачку и обструкцию) и «благоразумными», стоявшими за подчинение и не желавшими рисковать своей буржуазной карьерой, обострялась иногда до того, что грозили облить друг друга кислотой и т. п. Начальство старалось разжечь этот раскол, взывая в своих объявлениях к «серьезным умам», приглашая студентов быть «скромнее» (объявление попечителя спб. учебного округа Сонина от 6 февраля). Студенты, не мирящиеся с рабством, отвечали горячим протестом против «Боголепова и К^о», провозглашали: «Вперед, товарищи, полно молчать!». Помните, что приговор истории страшнее и ужаснее приговора временной комиссии» (Бюлл. № 6, от 6 февраля). Другая черта — рост сочувствия к студентам среди тех, кому не грозила отдача в солдаты и среди общества вообще. Студенты военно-мед. академии на сходке 30 января единогласно решают подать петицию об освобождении отданных в солдаты студентов, о предоставлении права сходок. Слушательницы высших женских курсов на сходке 3 февраля предлагают забастовать, горячо протестуют против «временных правил». Ходит по рукам гектографированное письмо за подписью «Мать», клеймящее, с одной стороны, произвол Победоносцевых, Сипягиных, Боголеповых, дошедших до бессмысленной, наглой жестокости, — с другой стороны, унижительное молчание «русского общества, умеющего только терпеть, молчать и трепетать». Распространяется стихотворение студента «Тогда и теперь» (1 февраля, 1899 — 1901), зовущее на борьбу, возмущающее малодушием массы, позволяющей обращать храм науки в «тюрьму, в казарму для солдат». Унывавшие студенты боялись верить в свои силы, не зная, что возбуждение и дух борьбы проникают и в другие классы общества.

Правительство не могло, конечно, не видеть, что брожение растет. Аrestы следовали за арестами, тюрьмы переполнялись. По делу об умеренной «верноподданной» петиции царю об отмене «временных правил» взяли известное историка, писателя Милукова. Обыски были у многих писателей. «Обычных» арестов в ночь с 9 на 10 февраля было до 50. Необходимо добавить, что политика правительства начала уже проявлять признаки шатания: не то подавлять, не то идти на уступки, или, вернее, обмануть уступками. Последнее выразилось — правда, очень слабо — в проводах новобранцам-студентам, устроенных военным министром, который жал руки всем этим низшим чинам, говорил им ободряющие речи и просил в случае каких-либо затруднений обращаться к нему. Читатели благоволят сопоставить с этим помещаемую ниже корреспонденцию из Пскова.

Возбуждение усиливалось. Реакционная печать («Гражданин», «Московские Ведомости») только подливала масла в огонь, доказывая с отвратительным лицемерием Иудушки, что в отдаче студентов в солдаты нет ничего жестокого, что эта мера свидетельствует о попечитель-

ности правительства, желающего отечески исправить легкомысленных юношей... Можно себе представить, каким издевательством над лежащим и связанным противником звучали такие речи! Но лежащие стали подниматься, а связанным помогла развязать себе руки улица.

14 февраля раздался выстрел П. В. Карповича, сразивший ненавистного министра нар. просвещения Боголепова. Все сочувствовали Карповичу, и когда, напр., директор женских курсов, Раев, с группой профессоров поспешил выразить сочувствие умирающему Боголепову, — группа курсисток выпуска 1893 г. выпустила листок (от 21 февраля), клеймящий «карьерные расчеты» и «низкий поступок» раболепства перед «гнусным деятелем».

В широкой публике усиленно заговорили о повторении революционного террора. Но — как совершенно справедливо заметил «Злободневный Листок» (СПБ., тип. «Свободной Русской Прессы», № 2, от 2 марта), — «этот взгляд представляется совершенно ошибочным. Живая история не знает заученных дословных повторений... Теперешний наш самодержец — чего, какой идеи он является воплощением?! Разве это не простой подставной председатель правления бюрократического предприятия?.. Задача теперь... не в том, чтобы уничтожить этот „миропомазанный штемпель“ (листок говорит, что самодержец напоминает собой каучуковый штемпель с буквами „быть по сему“), а в том, чтобы взять его из рук бюрократии в свои руки». Понятно само собою, что для осуществления такой задачи настоятельно необходимо политическое действие массы. И вся революционная работа последних лет, шедшая под знаменем социал-демократии, естественно толкала мысль передовой учащейся молодежи на план уличной демонстрации, план привлечения к протесту (путем его расширения) всех классов общества вообще и рабочих в частности. Одним из выражений этой мысли явился февральский листок, изданный кассой взаимопомощи студентов спб. университета и напечатанный в тип. «Союз Борьбы»³. «Решение университетского вопроса, — справедливо писали авторы, — надо искать в решении более широкого и неотложного вопроса — вопроса о расширении политических рамок для русской общественной жизни... Насильникам надо противопоставить силу... А эта сила уже растет, ее выдвигает сама жизнь, в ней лежит залог лучшего будущего. Быстро расползается она по стране, охватывая ее все цепче и крепче, грозная, пока бессознательная. Но пробудись в ней сознание — и конец абсолютизму, конец замаскированному рабству». А какое же лучшее средство расширения университетского вопроса и пробуждения сознания в грозной народной силе, как не вынесение протеста на улицу, перед толпой народа? И план устройства открытой демонстрации был принят вожаками движения.

Решено было собраться к Казанскому собору 19 февраля. По расчетам инициаторов, в манифестации должно было участвовать свыше 2000 человек студентов и курсисток. Впрочем, с 17 на 18 число было арестовано 26 человек, в том числе шесть человек «делегатов» с печатными воззваниями относительно манифестации, так что уверенность в исполнимости этой последней сильно пошатнулась, и манифестация была отменена. Тем не менее 19 февраля к Казанскому собору пришло чел. 200 — 300 (по другим сведениям до 400) учащейся молодежи. Часть их зашла в собор, а часть расположилась на скамейках около собора. Когда в церкви ничего интересного не оказалось, все вышли на улицу и, соединившись с толпой, которая сохраняла выжидательное положение возле собора, повернули на Невский. В это время масса конных и пеших полицейских оцепили толпу манифестантов и следовали с нею вдоль по Невскому. Толпа шла с пением Марсельезы («Вставай, поднимайся, рабочий народ!»). Около здания думы конные полицейские врезались в толпу демонстрантов с очевидным намерением свернуть шествие в переулок (между думой и Милютинскими рядами). Молодежь, прижатая к зданию думы, стала отталкиваться от напавших полицейских, а те, ничто же сумняшися, пустили в ход кулаки и стали наносить жестокие удары направо и налево. Собравшаяся публика кричала городским: «Вы не имеете права бить!», а те отвечали: «Нам приказано». Толпа демонстрантов состояла, главным обра-

зом, из женщин-рождественок и медичек. Раздался отчаянный крик. Эту дикую сцену из окна думы наблюдало несколько человек (в том числе и городской голова Леянов) и выражали свое сильнейшее негодование против полиции, а с одной из барышен, наблюдавшей оттуда за всем происходившим, случилось острое помешательство. «Девуц до того били, сообщает один корреспондент, что гостиннодворские приказчики стали заступаться за них. Среди публики многим делалось дурно». Неслись вопли, крики: «Бьют, бьют!» Посторонней публики около демонстрации собралось около 5—6 тысяч. Вмешалась толпа. Грозил очень крупным побоищем. В это время явился градоначальник Клейгельс и попросил (сначала было «потребовал», но вследствие протеста толпы должен был требовать свести на вежливую просьбу) войти во двор. Тут во дворе демонстранты были переписаны. Часть студентов, стоявших вне цепи, пыталась присоединиться к демонстрантам, но Клейгельс, пропустив человек пять, отказался затем от такого опасного приема. На заявление молодежи, что ее били, Клейгельс выразил недоверие к этому факту («моя-де полиция не дерется») и жалобу принять отказался, предоставив пострадавшим искать законных путей для выражения своего протеста. Все переписанные и многие из окружавших отправились в ближайший участок и там требовали составить протокол. В конце концов составили жалобу на действия полиции и отправили ее с каким-то студентом-медиком к прокурору. Как говорят, Клейгельс призывал к себе этого медика и дал ему понять, что жалобы на полицию никогда ни к чему не приводят (пример-де тому эпизод в истории 1899 г.). И действительно, прокурор, сначала любезно выслушавший жалобу от студентов, потом изменил свой тон: вы, говорит, бунтовщики, и вашу жалобу я направил к градоначальнику. Рассказывают (по другой версии), что Клейгельс принял заявление о действиях полиции и в ответ прочитал место из одной русской книжки, в которой описывается, как бьют полисмены в Англии манифестантов. Маленькое различие упустил г. Клейгельс между свободной Англией и бесправной Россией: то, что в Англии бьют за нарушение порядка публикой, а в России бьет нарушающая порядок полиция.

Вот еще выдержка из сообщения лица, бывшего очевидцем события: «Выходя 19 февраля из Казанского собора, чтобы отправиться домой, я увидела, что площадь перед собором с левой стороны окружает отряд городских и конных жандармов... Около Милютинских рядов я заметила, что сзади появились околотошные, которые стали загораживать тротуар; какой-то прохожий выразил неудовольствие, что ему преграждают дорогу. Оглянувшись, я увидела, что околотошный, любезно склонившись и указывая на видневшуюся впереди толпу учащейся молодежи, спросил с иронией: „К какой партии вам угодно примкнуть, к той или к этой?“ Этот наглый вопрос, конечно, принуждал всякого просто приличного человека сделать решительный выбор. Но, зная, кто именно составляет „ту партию“, во всяком случае, не желая „примкнуть“ к партии полиции, я, не оглядываясь больше, поспешила присоединиться к идущим впереди. Едва я их достигла, как сзади и сбоку уже вплотную подступил отряд городских, которые шли ровными рядами. Передние скрестили на груди руки и выставили вперед локти, а вся масса отряда дружным натиском двинулась на толпу. Когда же дальнейшее движение сделалось почти немислимо, началась кулачная расправа. Не изменяя общего положения рук, городские поднимали сжатый кулак правой руки, сгибая руку в локте и снова разгибая ее, опускали кулак прямо перед собой, не разбирая, куда и на что он попадет; движение кулаков было правильно, одновременно, равномерно; в этом был виден выработанный метод, чувствовалась организованная система кулачного натиска. Ни негодование крики студентов: „Не смей трогать женщин!“, ни посиневшие от давки лица с выкатившимися глазами, ни возможность катастрофы перед огромными зеркальными стеклами магазинов — ничто не останавливало непрерывного, безобразно жестокого натиска городских»...

Этот первый опыт манифестации показал, что сочувствие публики обеспечено студенчеству, выступающему против произвола царского самодержавия, — и в то же

время он показал, от каких причин зависит сравнительная неудача 19 февраля. Отсутствие революционной организации сказалось на том, что демонстрацию наполовину отменили, и не все о ней знали. Отсутствие рабочих обусловило сравнительно малое число присутствовавших: демонстрация не могла получить характера народной схватки с полицией: никто не позаботился о том, чтобы наряду со студенческими требованиями были выставлены более широкие требования. Всем этим объясняется, что настроение революционного Петербурга после 19 февраля было двойственное: с одной стороны, сознание, что путь демонстрации—единственно верный путь, с другой—неуверенность в успехе. На 28 февраля — день юбилея газеты «Чего изволите» («Нового Времени») — была назначена демонстрация в Эртелевом переулке. Группа инициаторов особым листком приглашала почтить достойным образом 25-летний юбилей почтенного Алексея Сергеевича Суворина, с успехом возводившего в принцип беспринципность, сделавшего блестящую карьеру на подхалимстве и лакействе перед правительством. Демонстрация не удалась, и опять-таки по тем же самым причинам. Полиции собралось больше, чем молодежи. Шпалерами стояли по всему Литейному, Мало-Итальянской. Толпу разделили на части и разогнали. Часть была переписана. Говорят, весь переулок был усыпан обрывками «Нового Времени». Таким образом, и эта неудача демонстрации была относительной: известный результат был, несомненно, достигнут. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть следующую картинку, набросанную одним из участников праздника: «Итак, Суворин имел огромный материальный успех. Его оба сына стали также участвовать в редакции газеты, и за династией Суворина обеспечено владычество. Я слышал пение дьякона, слышал приветственные речи, на которые старик Суворин отвечал рукопожатием или поцелуем в щеку ораторов. Пили шампанское. Я стоял вблизи окна и смотрел на улицу. И что же? Отряды конных и пеших полицейских снуют по короткой улице. Человек 60 стоит около дома. Я заинтересовываюсь. На противоположной стороне улицы я вижу небольшую кучку студентов, громко смеющихся и жестикулирующих. Теперь-то мне стала понятна эта овация со стороны полиции. Петербургские студенты не ладят с Сувориным с тех пор, как он в одном из своих остроумных „маленьких писем“, два года тому назад, шутя отнесся к студенческим беспорядкам и осудил их. Повидимому, учащаяся молодежь по-своему хотела почтить юбиляра: кошачьим концертом, битьем стекол и т. п. маленькими шутками. Через некоторое время я оставил гостеприимный дом, в котором шампанское лилось сегодня рекой. Эртелевский переулок охранялся полицией, а студентов не было видно. С обоих концов, со стороны Бассейной и Итальянской, улица была оцеплена. На Бассейной жандармский офицер раз'езжал на коне перед цепью городских. Никого не пропускали. В честь Суворина было вызвано по меньшей мере 200 полицейских, которые, видно, очень были довольны. Я спросил первого попавшегося толстяка-надзирателя, снабжены ли его молодцы нагайками, и он многозначительно улыбнулся мне в ответ. „Милая овация в честь Суворина“, говорил я себе мысленно, продолжая путь. В это время явился всемогущий генерал Клейгельс, чтоб самолично смотреть за порядком. Кругом не видать было ни одного студента, но полиция стойко и храбро оставалась на месте. На самом деле, несколько сот студентов и студенток с различных сторон направились к Эртелеву переулку, но разошлись, увидав, что он оцеплен и что полицейские с нагайками охраняют царство Суворина, как грозный архангел врата рая».

Нельзя не выразить сожаления по поводу бездействия соц.-дем. «Союза Борьбы» в СПб. Ком. Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии. Позволительно ли было соц.-дем. не откликнуться на студенческое движение, не обратиться к рабочим с разъяснением его, не призывать рабочих на демонстрацию против правительства Клейгельсов и Боголеповых? Очевидно, здесь сказались печальные плоды той пропаганды, которая так усердно велась в СПб. последние два-три года: с одной стороны, «экономисты» усердно приглашали «незабегать вперед» против неразвитых масс и ничего не делали для развития революционной организации и полити-

ческого воспитания рабочих; с другой стороны, столичные «критики» и «бернштейншансы» играли на-руку «экономистам» своим «разносом» ортодоксального марксизма³.

Бездеятельность социал-демократии не могла не отразиться на движении, которому не была обеспечена поддержка со стороны организованных передовиков рабочего класса. Целый ряд сообщений говорит о духе уныния и безнадежности. «Настроение тяжелое, — пишут, например, от 2 марта, — никто как-то не надеется на хороший исход». К счастью, события в Харькове и Москве, описываемые нами ниже, подняли дух и в СПб. «Как только в Питере стали известны харьковские события, — пишет один корреспондент, — началось волнение среди студентов». «Московские и харьковские события, — сообщает другой, — сильно подогрели утихнувшее было возбуждение среди молодежи». Мы ясно видим здесь, как массовое участие рабочих в демонстрации, характеризующее происшествие в Харькове и Москве, вдохнули новую жизнь в движение интеллигентной молодежи и побудили ее к более решительным и революционным действиям, составившим эпоху в народном движении против самодержавия.

Новая демонстрация была первоначально назначена на 3 марта, день суда над Карповичем. Но так как суд был отложен (очевидно, не только вследствие смерти Боголепова, но и из опасения народной демонстрации), то демонстрацию перенесли на 4 марта. Печатная прокламация «К о в с е м» от имени «Совета союза объединенных землячеств и студенческих организаций», помеченная днем двадцатилетней годовщины убийства Александра II, 1 марта 1901 г., заявляла, что «полицейский режим достиг своего кульминационного пункта... Протест живой части общества против мракобесия правительства, против собственного бесправия и рабства... начинает выходить на реальную почву... студенческие протесты нашли себе, наконец, поддержку и сочувствие среди разных слоев общества. Мы... выступая на защиту поправленных прав человека и на борьбу за них на общественно-политическом поприще, обращаемся ко всем слоям общества».

Четвертое марта, наверное, долго будут помнить не одни петербуржцы, но и все русское общество.

Все знали о демонстрации и, после события 19 февраля, не делали себе иллюзий, знали, на что идут. «Настроение молодежи было подавленное; вечером в субботу, прощаясь со знакомыми и товарищами, молодежь производила свое „до завтра, до?“ таким тоном, точно она шла на то, на что она и пошла в действительности! Одна девочка-курсистка молила: „Господи, хоть бы мне утром захворать завтра“, и все-таки пошла. Со всех сторон было это томление перед „завтра“, и суббота тянулась так мучительно долго, так много переслушалось и перевидалось, так много передумалось за это накануне».

Ровно в 12 часов в воскресенье из собора, который был полон народу, все демонстранты вышли на паперть. Вся площадь перед собором представляла море голов. Нелегко было определить число демонстрантов: показания очевидцев различны и восходят от 3-х тысяч до 15-ти. Сюда не входит, конечно, масса публики посторонней, окружавшей со всех сторон демонстрантов. «Зрителей была масса, — пишет один корреспондент, — несравненно более, чем демонстрантов». Был пущен шар и подняты на площади два знамени, белое и красное (последнее поднято было, как сообщает один корреспондент-очевидец, рабочими). Надписи на знамени гласили: «Долой временные правила!». Была, говорят, и надпись с требованием свободы слова. Один технолог (по другому сообщению лесник), стал говорить толпе речь. Он изложил нынешнее положение вещей, указал на ненормальность существующего режима, на необходимость изменить русский политический строй и закончил словами: «Да здравствует законность, долой временные правила!» Публика выражала свою солидарность криками «ура», «согласны» и т. п. Продолжалось это недолго, но зрелище было внушительное. В публике разбрасывались тучи прокламаций, в разных концах читались вслух листки. Зрители — главным образом, сочувствующие—совсем придвинулись к демонстрантам. Порядок был полный и, «сначала, — сообщает очевидец, — дело шло почти по-европейски».

Но «европейский стиль сменился русским удивительно быстро». Очень скоро после того, как выкинут был флаг, проехал в коляске Клейгельс. Он с улыбкой оглядел публику, пересел на лошадь и — дал знак. Открыли ворота соседних домов — и массы полиции и войска окружили собор. На площадь выехала кавалькада казаков на крупных горячих лошадях и прямо поехала на середину. «Толпа хлынула в разные стороны, — пишет один корреспондент, — частью к Невскому. Казаки повернулись фронтом к собору. Толпа сжалась к собору. И пока толпа теснилась, казаки плотной линией двинулись вперед. Не было никаких намеков на переговоры с толпой, ни увещания; никто не слышал даже простого предупреждения об атаке или предложения разойтись. Да и уйти было некуда — сзади был собор — и некогда: все дело произошло так быстро, что не было времени одуматься. Казаки ехали с нагайками в руках; когда толпе нельзя было отступить и сжиматься, они подехали вплотную и разом начали хлестать всех, кто был перед ними. Крупные рыжие кони прямо грудью давят людей, горячатся, встают на дыбы, а здоровенные казаки с тупыми, зверскими лицами, перегнувшись вперед, размахивают нагайками, и слышно только какое-то шелканье». «Есаул скомандовал: „в нагайки!“, — пишет другой, — и сам первый ринулся, показывая пример своим подчиненным; со всего размаха он ударил первого попавшегося студента, который покачнулся и упал. За есаулом двинулся вахмистр, нанося удары и правой рукой и левой, хватая за шиворот студентов и бросая их под ноги. Сотня последовала за ними. Сначала все стихло, все как будто бы не верили, что бьют нагайками совершенно беззащитных людей. Страшный голос нарушил тишину: какая-то женщина упала в истерике. Отрезанная и отгороженная частью казаков публика рыдала, кричала, но помочь не могла. Свистали нагайки, стучали дубины городских по головам несопротивлявшихся, опешивших студентов. „Да не может быть! — крикнул находившийся в толпе полковник, что это бьют нагайками; это стук копыт по мостовой“. Молча раздвинулась публика, и полковник очутился лицом к лицу с расправой. В ужасе полковник схватился за голову и, как безумный, побежал по улице. Между тем студенты, окруженные со всех сторон, против входа в колонны, стали отступать к Казанскому собору, где в это время как раз совершалось богослужение и священник выносил св. дары. И вот, у выхода из церкви, между колоннами, где написано: „Грядый во имя господне!“ совершался последний акт гнуснейшего насилия. Свистели нагайки, под ударами которых студенты падали ряд за рядом. Слышался свист и треск обрушившихся на головы дубин. Казакам отдан был приказ отступить, и за дело принялись спешившиеся. Не знаю, что было лучше: казаки хоть в кровь разбивали, а городовые на-смерть били; били прямо по лицу и головам. Одному упавшему с разбитой головой студенту, видно, наступили на шею, он страшно бился и хрипел, очевидно, в предсмертной агонии. Толпой овладела паника, и она бросилась в храм. Озверели и студенты, выломали перила. „Коли бить, так на-смерть“. Самозащита удесятирила их силы, и городовые принуждены были отступить. Страшно становилось за человека, когда он доведен до безумия невозможностью что-либо противопоставить ударам дубины, кроме рук. Один из наиболее свирепых городских, с налитыми кровью глазами, с громадной дубиной, оступился о лежащего студента. К городовому подлетел студент-медик, мелькнул в воздухе обломок оглобли, и рухнул городской. А в соборе между тем городовые били смертным боем несчастных курсисток, думавших найти защиту у священников, которые, вместо того, чтобы останавливать с крестом в руках эту бойню, заперлись в алтаре. Городовые хватили курсисток за волосы и били их о стены головами. Туда ворвались студенты и высвобождали несчастных избиваемых. Один технолог, отрезанный от этой кучки казаками, пытался прорваться сквозь цепь; наконец, видя, как под опустившейся дубиной упал его брат и брызнула не то кровь, не то мозг, сошел тут же с ума.

Понятно само собой, что каждый очевидец мог рассказывать только о небольшой части сцены, виденной им непосредственно. Мы считаем необходимым, поэтому, привести еще несколько рассказов.

... «В толпу врезались городовые, которые дрались шашками, не вынутыми из ножен. Этими шашками они, однако, так били, что в конце половина дралась только кусками. Многие студенты повыврывали нагайки, отломали куски шашек и защищались ими. Это была подготовленная, организованная бойня; о ней долго будут помнить. В самый разгар бойни меня столкнули с паперти вниз, и я упал на какого-то человека, который, очевидно, тоже упал сверху. В это время вниз с паперти сносили убитого студента. Когда я подбежал к нему, он еще хрипел. Мы с одним студентом разорвали на нем рубашку, стали натирать ему грудь снегом, голову также терли, но он у нас на руках весь задрожал и вытянулся; через несколько минут лицо его совершенно потемнело; весь он как-то за-костенел. После этого мы все, спихнутые вниз, могли опять подняться наверх. В это время конница наехала и с задней стороны собора. Массе, сбитой с паперти, избитой нагайками и шашками, некуда было деваться; ее стала топтать конница. Я сам видел, как конница наехала на медика, который перед этим был свален городовым, который его, уже лежачего, бил шашкой; на моих же глазах наехали на какую-то очень прилично одетую барышню, на какого-то не то кучера, не то крестьянина. В это время я сам получил удар и упал без чувств. Очнулся в сквере, на снегу, среди хлопотавшей около меня публики. Этим я избежал ареста. Рабочие на площади вели себя молодцами. Они разломали деревянную лестницу собора, и этими кусками дерева дрались из последних сил. Рабочих на площади было, однако, сравнительно мало, так как с ночи рабочие районы были оцеплены войсками, и рабочие не могли в большом количестве попасть на площадь; попала на площадь лишь небольшая часть, живущая в городе».

«Крик стоял такой, — пишет один очевидец, — что за несколько кварталов слышно было. Какая-то курсистка крикнула что-то належавшему на нее казаку; тот поднял ее за волосы и поволок; потом ее замаяли лошадьми. Кто она? Может быть, та самая, что хотела захворать тифом. Часть народа бросилась было сперва в собор, думая дать многим приют и не дать казакам возможность оцепить остальных; но в соборе могли поместиться немногие, и публика сама стала выходить оттуда, когда показались раненные, которых вносили в собор товарищи же. Это еще больше подлило масла в огонь. Между тем в другие двери стали входить полицейские и выдвигать публику из собора с такой силой, что сходить с паперти уже нельзя было: кто прямо валился, а кто успевал еще соскочить с паперти (вы знаете, ведь она выше роста человеческого) и либо падал и на него валились другие, либо его счастливо подхватывали свои же, либо он попадал в руки полицейских, которые его избивали. Убитых четверо, наверно; трех из них подмяли лошадьми, и уже лежачих добивали. Били кого попало и куда попало; хватили за волосы, волокли; женщины там были без шляп, растерзанные. Полиция сама хватала студентов и сбрасывала с паперти навстречу стоявшим внизу полицейским, которые их били».

«Казаки били нагайками всех, кого могли достать, — сообщает одна курсистка, — первой упала какая-то старушка, вышедшая из церкви; в толпе были дети... Вот несколько студентов снесли с паперти лесника, которому шашкой попало по шее. На мой взгляд он был мертв. Страшный вопль раздался вокруг. В полицию полетел град камней, комков снега; их бросали студенты, мастера и мальчишки. Шашка с одной стороны, — почти безоружная толпа, с другой... Вот вывели одного медика с разбитой головой; посадили на извозчика и увезли нашу курсистку, все лицо в крови, смотреть страшно. Горняку одному здесь же перевязали голову: вся в крови. Знакомый универсант подошел: через все лицо багровые полосы от нагайки. У другого горняка через нос и обе щеки шрам. Перечисляю всех, кого видела собственными глазами».

«Два господина подвели курсистку, которая была почти в обмороке, к священнику собора (я его знаю) с просьбой отвести девушку в безопасное место, где бы ей дали пить. Служитель бога отвечал с свирепым видом: „Я не помогаю бунтовщикам!“ Я это сам слышал. Через не-

сколько минут этот мерзавец, смеясь, разговаривал с несколькими пьяными жандармскими офицерами посредине площади, очищенной от публики кавалерией».

Другая корреспондентка, пришедшая на площадь Казанского собора около 12 час., пишет между прочим: «Справа от себя я услышала особый звук хлестанья и щелканья и увидела казаков в красных шапках, которые шли рядом (читатель припомнит, что приехавшие на лошадях казаки потом спешили) и били нагайками вправо и влево. Удар пришелся по платью курсистки, которая стояла за два человека от меня, и следующий удар должен был прийтись на меня, так как казаки надвигались на меня. Противно и унижительно было ожидать этого удара сдавленному в толпе человеку, бороться тут было невозможно. Но в это время толпа наперла и подняла меня на папёрть. Тут не было еще красных шапок, они были ниже. Но толпой меня оттеснило вправо, т. е. к левой стороне, к левой колоннаде, и тут я увидела безобразную сцену на паперти. Казак хлестнул какого-то студента без шапки, хлестнул раз-другой по голове, студент упал; тогда трое казаков наклонились над ним и били его нагайками. Затем вдруг все стихло, и пронесся шопот: „Убит“. Видно было, как несли что-то, виден был верх кареты внизу у левой колоны. Говорят, его положили в карету и увезли, но я уже не видела его. Толпа напором снова придавила меня к правой колоннаде, к двери собора. Все время был визг, крик: „Бьют!“, хлест нагаек. Тут раздался крик: „В собор!“, но пошли ли в собор, я не видела. Видела только, что две-три красные шапки вошли в дверь собора, и слышала крик. Я думала, что бьют в соборе. Но, говорят, там не били, и теперь я думаю, что казаки занесли туда раненого. Меня выперли на правую колоннаду, по которой я побежала к Невскому, чтобы посмотреть, свободен ли выход. Увидав, что да, я бросилась назад и стала звать всех за собою, чтобы соединиться с товарищами на Невском... Толпа человек в 25 пошла за мной, но мы встретили двух страстно возбужденных медиков, которые крикнули: „К товарищам, которых бьют!“, и мы снова все бросились назад. Там уже позади колоннады продолжали бить нагайками. На самой колоннаде я видела четырех городских, которые гонялись за медиком и, поймав его, сбросили с колоннады вниз на камни, но он вскочил и убежал. Тогда эти же городские с зверскими лицами стали давить технолога, которого тоже скинули вниз. Что с ним было, не видела... В других местах шла борьба и с городскими, которые шашками в ножнах били. Многие видели совершенно избитых людей, лежавших без движения. Городские нападали по несколько человек на одного, сбрасывали и били».

Не подлежит, таким образом, никакому сомнению, что это была организованная, подготовленная бойня. Власти предусмотрительно приготовили даже заранее 50 карет Красного Креста для раненых. Эти кареты приехали вместе с казаками. «Были такие сцены,—сообщает «Злободневный Листок» № 3, от 5 марта: — несколько городских держат студента, а казак хлещет его нагайкой»*. Хоть и мало, а досталось все же и полиции: казацкий офицер получил удар по голове и сейчас же свалился; жандармский офицер был тяжело ранен и упал с лошади. Несколько городских и казаков были ранены.

Несомненно, демонстрация представила бы из себя не простое избиевание народа, а сражение с народом, если бы социалистические и социал-демократические группы и

* Нельзя умолчать, что в этом живом и интересном листке есть звучащая либеральной фразой: «Полиция не может допускать уличных демонстраций — это понятно. Разве нельзя было оцепить всех собравшихся и переписать их или арестовать»... Что «нельзя допускать» выхода граждан «скопом» на улицу, процессий и речей к публике, это «понятно» только с точки зрения людей, привыкших к политическому бесправию и рабству. И если полиция дошла (не в первый и не в последний раз) до избивания и убийства граждан, протестовавших против этого рабства, то надо призывать не полицию к тому, чтобы она мирно оцепляла, записывала и арестовывала, а народ — к тому, чтобы он поднялся весь на борьбу с полицией, чтобы на гнусную расправу с беззащитной молодежью и женщинами он ответил расправой с царским правительством.

кружки обратились с специальной прокламацией к рабочим, организовали рассылку делегатов к ним и сообщение вестей с поля сражения, организовали местные демонстрации по окраинам, частью для отвлечения полиции, частью для того, чтобы не оставлять в бездействии тех, кто никак не мог попасть на Казанскую площадь. К несчастью, петербургские социал-демократы оказались, как уже заметили, не на высоте задачи (отчасти вследствие распространения среди них экономизма и бернштейнианства, отчасти, может быть, вследствие массовых провалов незадолго до события). Но рабочие все-таки были на демонстрации и, кроме того, рабочие — что особенно важно — шли на демонстрацию, но были задержаны войсками. Ни с Нарвской заставы, ни с Шлиссельбургского тракта рабочих не пустила полиция: туда были даже посланы войска, чтобы остановить идущую на демонстрацию рабочую массу, при чем произошла схватка, в которой многие были ранены. Другой корреспондент тоже сообщает, что был ряд стычек с казаками. «Рабочие, — пишет один корреспондент, — опоздали на демонстрацию вследствие приостановки конки (конечно, умышленной). Они пришли пешком на Петербургскую сторону только к 6 час. вечера». «У Нарвской заставы, — пишет другой, — стояли 4 роты солдат и не пускали рабочих».

Сочувствие публики к студентам обнаруживалось не раз и самыми различными способами. Варварское избиевание возмущало всех. «Какой-то молодой офицер (кажется, гвардеец), — сообщает очевидец, — весь бледный выскочил вперед и крикнул: „Стой!“ казакам. Казачий офицер подехал к нему недовольный, они оба заспорили — не знаю о чем. Офицер-гвардеец буквально скрежетал зубами и крикнул: „Ну, это мы еще посмотрим!“; казак все-таки отъехал (неясно, отъехал ли казак назад или отъехал, чтобы продолжать избиевание). Из публики слышались крики: „Долой нагайки, что вы делаете, негодяи?“».

Что действия полиции возмущали даже весьма высокопоставленных лиц и вызывали их вмешательство, это доказывает сообщение наших газет, что «государь император объявляет строгий выговор члену Государственного Совета, генерал-лейтенанту князю Вяземскому, за вмешательство в действия полиции при прекращении уличных беспорядков». Нельзя не поблагодарить правительство за опубликование этого выговора, показывающего всем и каждому солидарность царя с градоначальником, казаками и городскими.

Демонстрация кончилась тем, что полицейские, избив массу народа, стали окружать и арестовывать отдельные группы: оцепляли, записывали и загоняли во двор Учетного банка, в Казанскую часть, во двор Гостиного двора. Зацепили, говорят, кучку военных, человек шесть, и повели тоже. Одно уже шестие оцепленных групп (иногда тысячи в две) выходило порядочной демонстрацией.

Как долго продолжалось побоище, — трудно определить. Но волнение на Невском продолжалось до вечера. «Вокруг собора стояли конные отряды, вдоль тротуаров — цепь полиции и казаков. Иногда собиралась кучка студентов, вступала в перебранку или кричала: „Долой нагайки!“ Казаки и полиция делали атаку, оцепляли кучку и вводили. По временам отряды въезжали на тротуар и медленно проезжали вдоль, сметая публику и затем каким-то маневром оттесняя ее в одну из поперечных улиц; но как только отряд повертывался назад, толпа снова заливалась тротуар. Улицы, ведущие к собору, и ближайшие поперечные улицы с другой стороны Невского, были заняты отрядами. То и дело патрули проезжали по улицам». «Казаки, — сообщает другой очевидец, — раз'езжали по Невскому до 11-ти часов вечера, и еще публика была там».

Правительство могло торжествовать победу. Что оно не было уверено в ней, видно из того, что царь обратился в бегство и усакал со всей своей семьей в Царское Село. Уезжая, он сказал, говорят, чтобы бунт был во что бы то ни стало, какими угодно средствами усмирен, и что больше ему ни до чего нет дела. Как видно из приведенных выше фактов, Клейгельс поступал по этому именно рецепту, да и выговор Вяземскому показывает, что отношение царя было именно таково. Клейгельс прехладнокровно распоряжался побоищем и в заключение, — по свидетельству «Злободневного Листка» (№ 3) — громко произнес: «До-

стойно же мы их встретили!» Один старый писатель, удерживая полицию от зверства, был сшиблен с ног, и его ударили по лицу. Когда он, увидев Клейгельса, спросил его, зачем допускают подобные вещи, тот ответил: «А зачем вы сюда попали?» Вечером Клейгельс телеграфировал в Царское Село: «Бунт в С.-Петербурге усмирён».

Известно изречение, что бунт есть неудавшаяся революция, а революция — удавшийся бунт. Демонстрация 4 марта не была, конечно, ни бунтом, ни революционным восстанием, но правительство—надо отдать ему справедливость—сделало с своей стороны все возможное, чтобы расширить и углубить ее значение, удесятерить «подавлением бунта» всеобщее недовольство и тем приблизить в громадной степени момент, когда подобные демонстрации станут действительно опасным и вовсе не осужденным на неудачу «бунтом».

Можно ли подвести итог жертвам 4 марта? В данный момент мы в состоянии сообщить лишь очень неопределенные данные. Число убитых определяют в 6—8 человек. Называют студентов-медиков Анненского и Тимофеевского, говорят, что не найден студент Могилянский, убит лесник Донцов, студент Петерс, студентка Забиякина (кажется), лесгафтичка Беяева *. О том, чтобы пересчитать раненых, не может быть и речи: известно, что из писателей ранены Струве, Пешехонов (сброшен с лестницы), Анненский. К убитым и раненым прибавились арестованные, число которых определяется (по некоторым сообщениям) до 1.050 чел.: 252 в Литовском замке, 339 курсисток в Спасской части, затем в Василеостровской, в Коломенской, Казанской, в пересыльной тюрьме, и в Крестах на Выборгской стороне. Взяты, между прочим, писатели Струве и Туган-Барановский.

Таковы приблизительные данные о павших в бою. Настроение Петербурга — напряженное, «электрическое». Ожидают новых демонстраций. «Не пьем, не едим как следует», — говорил 7 марта один очевидец побоища. Правительственное сообщение (опубликованное 6 марта в газетах) поразило своей ложью даже людей высшего общества, и там готовится (?) заявление о возмутительных действиях полиции 4 марта и о лжи правительственного сообщения. Что общество не высшее возмущено до глубины души, что доказывает письмо 45 литераторов (к которым потом присоединилось еще 34 писателя, подписавших, как и предыдущие, свои фамилии) к редакторам русских газет и опубликованное в зарубежных газетах. Русские газеты не решились, конечно, напечатать этого письма, и оно распространялось по рукам. В нем выразилось негодование по поводу этого зверского, заранее подготовленного избиения, по поводу вынужденного молчания печати, по поводу отчаянного положения страны, отданной в полное распоряжение кулакам и нагайкам. Что касается до петербургского общества вообще, то оно поголовно было осведомлено о событии 4 марта, и сочувствовало демонстрантам. «Чтобы обелить себя, — сообщает один корреспондент, — полиция, через участки, по всей вероятности, распустила слух, будто избиение вызвано тем, что студенты позволили себе курить внутри собора, стоять в нем в шапках и вообще надругались над святыней. Этот маневр возвратил ей сочувствие кухарок — и только. Остальная публика частью не поверила полиции, частью распросами на месте убедилась в противном и, к чести ее, если не выразила прямого сочувствия студентам, то порицала полицию. На частных квартирах состоялись заседания, на которых были выработаны петиции министру внутренних дел, затем подписаны и поданы. Заметим, что и реакционная печать подхватила эту полицейскую ложь о бесчинстве студентов в церкви. Кто именно бесчинствовал в соборе — ясно из приведенных выше описаний.

На студенчество впечатление этой демонстрации было огромное. До нее многие студенты института путей сообщения, гражданских инженеров, лесного, в.-медицинской академии относились скептически к студенческим беспорядкам, а теперь было единодушно решено во всех

этих высших учебных заведениях прекратить посещение лекций. И не только студенты, но даже все профессора отказываются теперь читать лекции. По двум сообщениям, происходят уличные демонстрации около тюрем, и полиция не в силах справиться с демонстрантами.

Царское правительство, видимо, испытывает некоторое колебание. Преемника Боголепову не назначают, и в обществе упорно говорят, что экстренный совет министров, собравшийся 4 марта в Царском Селе, постановил не применять дальше «временных правил». С другой стороны правительство выпускает лживое и невероятно наглое сообщение о «беспорядках» в С.-Петербурге, Москве, Харькове, приводя в восторг реакционную печать прямою и твердостью тона, — царь объявляет выговор Вяземскому, министр внутренних дел опубликовывает циркуляр (от 12 марта) с критикой действий полиции при уличных беспорядках и с наставлением как следует управляться. Министр требует большей «быстроты и решительности», министр недоволен «медлительностью властей», министр вынужден признать (бедняжка!), что «беспорядки» представляли из себя «подготовлявшиеся заранее демонстрации, против которых недостаточны «слабые увещания». Против «скопищ, не желающих разойтись», пытающихся оказывать сопротивление, против лиц, которые начнут «произносить речи», — необходимо «безотлагательное применение самых решительных мер», отличающихся «в высшей степени энергическим характером». Особенно доволен г. министр казаками: «Своевременный вызов кавалерии, — вещает он в назидание всем чинам полиции и в поучение всем российским верноподданым, — не исключительно в целях употребления оружия» (читай: в целях употребления нагаек; слог г. министра так же тяжел, как удары казацких нагаек) «представляется иногда весьма соответственным и желательным».

Мы усердно советуем всем читать и перечитывать этот интереснейший циркуляр. Это — настоящий план кампании, план военных действий правительства против народа, начавшего выносить на улицу свой протест и свое возмущение.

Давайте же и мы, социалисты, выработать и осуществлять свой план кампании, план военных действий народа против правительства. Пусть будет этот план рассчитан не на единственный и случайный удар, а на систематическую упорную борьбу.

Петербургские рабочие, помните о майской демонстрации! Помните о людях, убитых, раненых и арестованных 4 марта: эти люди восстали против вашего злейшего врага, против полицейского самовластия, которое держит русских рабочих и весь русский народ в угнетенном, униженном, бесправном состоянии. Петербургские рабочие, помните о майской демонстрации, постарайтесь дать надлежащий ответ правительству зверства и насилия!

* * *

P. S. Эти строки были уже написаны, когда мы получили сведения о событиях после 4 марта. Сведения эти вполне подтверждают данную выше оценку деятельности местных социал-демократов, не выпустивших ни одного листка к рабочим. После 4 марта только соединенные группы «Социалист» и «Рабочее Знамя»⁴ выпустили воззвание к спб. рабочим, приглашая на демонстрацию 11 марта. Собрание студенческих делегатов высказалось против демонстрации: тут сказались, с одной стороны, то, что лучшие силы радикальной молодежи были разбиты 4 марта, с другой — влияние слухов, что «временные правила» применяться не будут. «Союз Борьбы» был тоже против демонстрации, и она была отменена. Таким образом, либерально-умеренная часть интеллигентной молодежи и «экономически» настроенная часть социал-демократов оказались, как и следовало ожидать и как давно предсказывали противники «экономистов» и «критиков», на одной стороне и пересилили понесших громадный урон социал-демократов-революционеров. Но рабочие — это особенно отрадно отметить — не послушались все же речей успокоения. Настроенные революционно, они массами шли в город в воскресенье 11 марта, заполнили улицы и с минуты на минуту ждали призыва к борьбе. А борьба гро-

* По последним известиям, сообщение о том, что были убитые, опровергается.

зила не шуточная, потому что все силы петербургской полиции и местных частей войска были мобилизованы, и готовилась, по всем слухам, стрельба в народ. Долго ждали рабочие и, наконец, разошлись, осыпая справедливыми упреками студентов и умеренных социал-демократов за их робость и бездеятельность. Рабочие заявили о своей готовности к борьбе, и пусть послужит одиннадцатое марта еще новым уроком и предостережением для петербургских социал-демократов.

Москва.

В Москве в течение всего января в университете происходило брожение под влиянием известий о петерб. и киевских событиях. Большинство, несомненно, было запугано угрозой отдачи в солдаты, и его было трудно расшевелить. 19 января появилась гектографированная прокламация «Что делать» за подписью «Московские товарищи», призывавшая студентов не следовать примеру трусливого общества. Прокламация приглашала к забастовке с предъявлением требований «возврата всех товарищей» и отмены «временных правил». 29 января состоялась сходка 317 студентов в актовом зале. Приглашенный ректор отказался явиться «по болезни». Сходка решила послать депутацию к ректору с требованием освобождения отданных в солдаты киевлян и отмены «временных правил», присоединив сюда обычные студенческие требования: возвращения устава 63 года и права сходок. Участники сходки были переписаны, а ректор отказался говорить с депутацией. На 3 февраля была назначена вторая сходка. Явившись в университет, студенты нашли все двери запертыми. Толпа студентов пошла по Никитской улице с пением студенческих песен. К толпе присоединились любопытные, а полиция отнеслась к демонстрантам совершенно равнодушно, не вмешиваясь в их шествие. При неорганизованности и случайности демонстрации, такое отношение полиции поставило студентов в недоумение; они не знали что делать и мало-по-малу разошлись. Все переписанные на сходке 29 января студенты были преданы суду университетского начальства.

Постановленная сходкой 29 января забастовка не была применена. Масса студенчества не пристала к движению. 2 февраля появилась прокламация «Исполнительного Комитета объединенных землячеств и организаций в измененном составе», которая засвидетельствовала «неуспех забастовки, вследствие присутствия в университете узко-консервативного элемента». Приняв меры к созыву новой сходки, «Исполнительный Комитет» объявил 19 февраля, что, по произведенному подсчету, число желающих назначения сходки достигло 917, и назначил собрание на пятницу 23 февраля, в 12 часов дня, во дворе перед актовым залом университета.

Сходка 23 января явилась поворотным пунктом в ходе московских событий. С одной стороны, полученные из Петербурга и Харькова известия о демонстрациях 19 февраля и о жестокостях, произведенных полицией и казаками, вызвали более сильное возбуждение в более широких кругах студенчества; с другой стороны, верный союзник русской революции — правительственная администрация — постаралась вынести студенческое движение на улицу и тем придать ему значение политического события первостепенной важности.

О событиях 23 февраля нам пишут:

«23 февраля с 12 часов дня на Моховой стала собираться толпа народа, и часам к двум народу собралось так много, что улица была заперта. Городовых и жандармов масса. Еще больше публики. Студенты Петровской академии, межевого института и масса курсисток. Техников почти нет. Часть студентов находится во дворе, но большинство их видно на улице. Никакого крику и скандалов нет. Полиция замечательно вежлива. Со всех сторон летят прокламации. Педеля из-за угла записывают тех, кто кажется им подозрительным. Помощников инспектора не видно. Простояв некоторое время на улице и во дворе, студенты и курсистки решили войти в зал. Число сходчиков было, как говорят, до 600; из них до 103 курсисток

Когда сходка состоялась, жандармы окружили университет и оттеснили толпу. Часть студентов отказалась разойтись и была отправлена в манеж. Кроме того, кучки студентов то и дело забирали в манеж, но на них смотрели сквозь пальцы, и большинству удавалось удрать. Вообще отношения между студентами и полицией довольно мирные. Студенты смеются и объявляют приставам, что они (т. е. пристава) действуют скопом, городовые просят студентов собрать им „на-чай“, так как они несут лишнюю обязанность. Мальчишки из Охотного, видя оживление, догадываются, что, вероятно, приехал царь. Полиция просит посторонних разойтись. Какой-то рыжий с длинными волосами субъект пользуется особой привилегией у околоточных; некоторые догадываются, что это шпион, и просят удалить его, что поневоле и приходится сделать. Настроение приподнимается все выше и выше. Наконец, сходка заканчивается, и появляется полотно с огромной надписью, наверное не знаю какой, или «обструкция» или «отмена временных правил». Впрочем, эта надпись вскоре была убрана самими студентами. Решено послать депутатов к ректору и попечителю, но так как они их наверное не примут, то предпринять целый ряд уличных демонстраций. Требования: возвратить киевских солдат, отменить „временные правила“ и требовать устава 63 года. После этого полиция окружила всех сходчиков и забрала в манеж. Теперь самое эффективное: по пути в манеж толпа студентов прорывает цепь городовых и вырывает человек 50 сходчиков. Когда „бунтовщики“ были заперты в манеж, туда же был загнан целый полк солдат и конных жандармов. Публика не думала расходиться, а стояла до поздней ночи».

В манеже арестованные отказались назвать полиции свои фамилии. Были приглашены педеля установить личность задержанных. Вскоре после этого полиция предложила заключенным разделиться на группы по 50 человек и отправиться под конвоем: мужчинам в пересыльную тюрьму, а женщинам — по домам. Свистки, смех и крики были ответом на это предложение. Обер-полицейстер Трепов пригрозил не давать заключенным пищи, пока не согласятся идти в тюрьму. На заключенных эта угроза не действовала, и они заставили дать себе 200 хлебов и поставить самовар. Пищи этой оказалось недостаточно. Вообще содержались заключенные в манеже отвратительно. Вот что пишет один из заключенных:

«Не дали даже соломы для спанья, и спать пришлось на мерзлой голой земле. Воздух в манеже от присутствия нескольких тысяч человек и 300 лошадей (нас охраняло 1.500 человек войска и 300 казаков) стал такой спертый, что со многими начали делаться судорожные припадки. Все это мы сообщили окружавшей манеж громадной толпе народа и тем сделали из любопытных — манифестантов».

И действительно, народная толпа приняла живейшее участие в студентах. «Когда студентов вывели из университета, чтобы вести в манеж, громкое „ура“ огласило всю площадь. Кричали не только студенты, но и посторонние (рабочие, девушки и т. д.). Тысячная толпа не расходилась до самого вечера».

Пока в манеже полиция вела пререкания с заключенными, вокруг манежа «собирались все большая и большая толпа. Полиция и конные жандармы ничего не могли с ней сделать. Только прибывший полк солдат помог разогнать толпу и многих рассадить по участкам».

Под влиянием рассказов сидящих в манеже о том, что там делается, толпа стала приходить в возбуждение, начались отдельные стычки с полицией, и вслед затем стали появляться кареты скорой медицинской помощи. В толпе слышались требования выпустить заключенных, и «солдаты должны были взять ружья наперевес, чтобы удержать бушующую массу».

В ночь на 24 февраля полиция произвела массу обысков.

24 февраля студенты опять собрались на сходку к университету, но их не пустили. К 12 часам на площади собралась толпа в две тысячи человек. «В час дня толпа, состоявшая уже не из одних студентов, перешла к манежу, где сидели заключенные накануне. Толпа стала требовать, чтобы ее пустили в манеж. Из манежа выскочил отряд солдат и начал бить прикладами. С другой стороны, приска-

кавший отряд казаков с полковником во главе стал давить толпу лошадьми. В ответ раздались крики негодования. Мастерские свистели в свистки, освобождали арестованных студентов, громко ругали полицию. Часть толпы пошла по направлению к Тверскому бульвару до генерал-губернаторского дома, смяв стоявшую там цепь городских. Появились казаки и разогнали толпу. Вечером толпа демонстрировала перед домом обер-полицмейстера. Вечером опять площадь перед манежем была запружена народом. Среди нее была масса фабричных и мастеровых. К 11 часам ночи группа мастеровых бросилась с криком к дверям манежа, выломала наружные двери, но затем была оттеснена. Под напором казаков толпа побежала мимо манежа, разбивая стекла. Бывших стекла арестовали (трех человек), но толпа их отбила». При этой свалке казаки действовали усердно нагайками. Толпа была разогнана, и часть ее снова собралась у старого университета, но, оттиснутая к Тверской, с пением прошла до генерал-губернаторского дома и была рассеяна. Остатки ее собрались около театра и с пением прошли по Петровке. У редакции «Московских Ведомостей» были конные жандармы и охраняли ее. Толпа, двигавшаяся по Тверской, состояла, главным образом, из рабочих; из них, по слухам, арестовано до 280 человек. В ночь на 25 февраля сидевших в манеже студентов под сильным конвоем отправили в тюрьму.

В воскресенье 25 февраля возбуждение достигло высшей степени, и десятки тысяч народа приняли участие в противоправительственных демонстрациях. В первый раз Москва видела такое массовое проявление народного протеста. С утра стали собираться толпы у университета. После полудня большая толпа, в числе которой были рабочие Прохоровской мануфактуры, двинулась по Никитской и Тверскому бульвару с пением. На середине Тверского бульвара встретились казаки. Толпа устроила баррикаду из бульварных скамеек и задержала натиск казаков, мчавшихся во весь опор. Громким свистом и ругательствами толпа выражала свое презрение казакам. Вдруг раздались крики, что сзади толпу оцепили городские. Толпа ринулась назад и прорвала цепь городских, при чем происходило целое побоище. Толпа отбивала тех, кого полиция пыталась задержать, и не более десятка лиц осталось в руках полиции. Наконец, полиции удалось рассеять толпу. В течение всего дня громадные толпы, состоявшие преимущественно из рабочих, демонстрировали по улицам, особенно по Лубянке, по Тверскому бульвару, Мясницкому и Никитскому. Приводим письмо одной корреспондентки, бывшей очевидцем одной из таких демонстраций около 4 часов дня «... Мы дошли до Кузнецкого моста, где нам представилась чудная картина: весь Кузнецкий мост до Лубянки был залит сплошной массой народа, почти исключительно фабричными и мастеровыми, незначительным количеством студентов и массой уличных мальчишек; вся эта толпа свистала, кричала „ура“, размахивала платками и бросала шапки; но, как ураган, налетели жандармы, которые разбили толпу на несколько групп, и мы пошли на Лубянскую площадь. Здесь было арестовано несколько студентов, толпа бросилась их отбивать, избива пристава и, когда он спрятался в ресторане, разбила в последнем окна. Здесь публика увидела Л. Н. Толстого (это было как раз в день появления в газетах его отлучения от церкви), толпа устроила Толстому овацию и с криками: „ура, Лев Николаевич“ проводила его по Рождественке, где по его просьбе усадила на извозчика. Я вышла на Цветной бульвар, который был усеян народом; полиция старалась разбивать толпу на маленькие кучки и не допускать до Тверской, а направлять ее в переулки, но толпа, уменьшаясь на одном месте, вырастала, подобно голове гидры, в вдвое большем количестве в другом».

Другой очевидец пишет: «В 4 часа я подошел к Тверской. Театральная площадь была вся залита толпой, буквально залита. Толпа двигалась по Тверской к дому генерал-губернатора. Прискакавшие казаки загородили путь. Тогда толпа по переулку направилась на Неглинный проезд, отсюда на Кузнецкий. Надо вам сказать, что толпа проявляла удивительную дисциплинированность. Она не разбежалась при виде городских и казаков, а встре-

чала их единодушным гиканием, свистом и ругательствами. Она или следовала единодушно указаниям вожаков („сплотись! направо! вперед!“), которые всегда находились из среды интеллигентных рабочих (студенты почти совсем не принимали участия), или ясно давала знать свое несогласие с вожаками и заставляла их переменять направление. На Неглинном казаки разделили толпу на 3 части. Я имею сведения только про первую часть, другие совершали демонстрацию по другим улицам... Первая часть двинулась к политтехническому музею, где ожидалась сходка студентов, но потом повернула по направлению к Мясницкой. Каждого студента, которого толпа встречала, она приветствовала киданием шапок, криками сочувствия и приглашением присоединиться. В случае согласия (которое, кстати, бывало очень редкое), толпа поднимала его на „ура“, аплодировала и т. д., а в противном случае она провожала его смехом и свистом... Приставов, даже отдельно идущих, толпа освистывала, закидывала твердыми предметами и заставляла быстро удирать со своих постов. За все время толпа не только не разрушила ни одной лавки, но, если мальчишки позволяли себе разбивать фонари, толпа не пускала их, при чем раздавались крики: „Потом будут писать про нас, что мы просто буянили“, „все равно с нас потом налогами дерут“ и т. д.

«Пройдя Мясницкую, толпа двинулась на бульвар. Тут она все росла и росла, и, когда была недалеко от Тверского (один бульвар отделял), народу было не меньше 8.000 человек. Студентов было, может быть, несколько человек, — не больше. Перед редакцией „Моск. Ведомостей“ толпа остановилась. Рабочие решили разрушить редакцию. Но тут прискакали казаки и городские. Казаки с нагайками и пиками разделили толпу на четыре части, а городские начали избивать (в буквальном смысле слова) отдельных лиц из толпы, замеченных как вожаков. Толпа забрасывала снежками и льдинами казаков, заставила офицера уехать на самый зад, но городские, под защитой казаков, буквально избивали толпу, встречая, положим, и хороший отпор. На Тверской улице и Страстной площади в воздухе стоял свист от нагаек. Били нагайками не только казаки, но и жандармы. В этот же день был устроен кошачий концерт перед домом генерал-губернатора. Во дворе дома генерал-губернатора до сих пор день и ночь сидит масса казаков и городских. В воскресенье же толпы ходили и по другим улицам. Около университета целый день стояла тысячная толпа».

Третий очевидец рассказывает: «Рабочие (ремесленники) довольно энергично сочувствовали студентам. На толпу в 6—8 тысяч человек приходилось 100—150 студентов, управлявших этой толпой, сдерживать какую-то было крайне трудно. Полиция так прямо трепетала в воскресенье».

Еще в одном сообщении читаем: «По Трубецкой площади шла толпа около 7.000 чел., при чем пела песни, а впереди несли красное знамя, конечно, довольно примитивное, сделанное, говорят, из рубашки». А в другом сообщении так описывается воскресная манифестация у дома генерал-губернатора: «В его окна летели яблоки и апельсины, мальчишки свистели в заранее им розданные свистульки; концерт был такой, что великий князь думал, что наступила революция». Толпа кричала: «Да здравствует князь Ходынский». «Все имевшиеся в Москве войска, полиция, жандармы, казаки ничего не могли поделаться с манифестантами. На атаку казаками публики, последняя отвела на Тверской баррикадами; кое-где появились и революционные знамена. Войскам были розданы боевые патроны, но пустить их в дело не решились». До трех часов ночи толпы рабочих ходили по улицам (по сведениям нашего корреспондента в пяти местах происходили эти демонстрации), местами били фонари, стекла и полицию. На Мясницкой, после драки с полицией, до 300 человек арестовали, загнав во двор дома Стахеева. В течение вечера толпы студентов и рабочих ходили к дому Толстого приветствовать отлученного синодом борца за свободу совести. Толстой говорил народу речь. По имеющимся сведениям, он отозвался с сочувствием о студенческой за-

бастовке, рекомендовал настойчивость в начатой борьбе и сообщил, что, как ему известно, в высших сферах склонны отменить «временные правила».

В следующие дни волнение продолжалось. Чрезвычайные меры, принятые полицией (в том числе масса арестов на дому, произведенных жандармами), воспрепятствовали новым демонстрациям. В понедельник 26 февраля произошло еще столкновение толпы с полицией в Охотном ряду: в борьбе с полицией студентам помогали охотнорядцы, эти искони прославленные защитники «престол-отечества». Переход этой части московского населения на сторону политического протеста представляет весьма знаменательный факт. Уж если охотнорядцы готовы содействовать политической борьбе, то можно надеяться, что недалеко то время, когда в ней примут участие и наши «экономисты». Благодаря усиленным полицейским мерам, не удалась в Москве демонстрация, назначенная на 4 марта. Военная сила не допустила повторить события 23—26 февраля. Были отдельные столкновения с полицией, немало демонстрантов арестовано.

25 февраля появилось удивительное воззвание студенческого «Исполнительного Комитета», настоятельно приглашающее студентов не участвовать в уличных демонстрациях, так как, дескать, надо приберечь силы для проведения «обструкций» в университете. Студенты-де добились уже выражения симпатий публики, а потому дальнейшее участие их в демонстрациях нежелательно. По верному замечанию одного из корреспондентов, «Исполнительный Комитет» проявил в данном случае «дикое непонимание», стремясь искусственно сузить движение, расширившееся далеко за пределы студенческой борьбы. Гг. сторонники «только студенческого» движения наивно вообразили, что народная толпа манифестировала, жертвывая собой и, подвергаясь расправам солдат только для того, чтобы показать сочувствие студентам, повлиять на правительство и удалиться сейчас со сцены, предоставив далее студентам чинно улаживать свои университетские дела. Гг. представители «Исполнительного Комитета» испугались развития студенческого протеста в политическое движение и пожелали поставить его опять на профессиональную почву, что на самом деле только ослабило бы его силу. Обычная либеральная близорукость!

Но и эта либеральная половинчатость представится недостижимо высокой политической мудростью, если ее сопоставить с поведением московских профессоров, выпустивших 27 февраля свое гнусное воззвание, о котором мы подробнее говорим ниже. В ответ на это послание появились две прокламации студентов: одна в Москве, другая в Киеве. Московская написана довольно умеренно и бледно; киевская гораздо сильнее.

Как бы то ни было, готовое замереть движение московских студентов оживило, войдя в соприкосновение «с улицей». Улица придала ему ту силу, которой ему недоставало, она усилила его влияние на равнодушную часть студентов. Московские высшие учебные заведения, наконец, стали, и начальство и не пытается применять к студентам-стачечникам «временные правила».

А, вместе с тем, студенческое движение, выйдя на улицу и вызвав наружу протест широких слоев городского населения (главным образом пролетариата), неожиданно послужило поводом к революционным событиям. В «сердце России», в первопрестольной столице народная толпа открыто выражала свою ненависть к администрации, освистала высшего представителя власти. В твердыне русского самодержавия представитель царствующей фамилии вынужден лесом штыков и пик защищать свой дворец от нападений рабочего люда. В благочестивой православной матушке-Москве тысячи рабочих приветствовали великого борца против православного мракобесия, только что преданного анафеме первосвященниками православной церкви. Господствующему порядку нанесена глубокая рана в самое сердце, он потерпел серьезное нравственное поражение. Революционные пламя лизнуло своими языками обомшелые стены самых неприступных его твердынь, и близок день, когда эти твердыни беспомощно рухнут.

Харьков.

С возобновлением занятий после рождественских каникул передовая часть харьковского студенчества проявила лихорадочную деятельность, стремясь сплотить массу учащихся на почве протеста против расправы со студентами в Киеве и Петербурге. Организация университетов и технологов выпускала почти ежедневно по нескольку листов, перепечатывая прокламации, появившиеся в других городах, пытаясь сообщить массе студентов возбуждение, царившее уже в Петербурге и в Киеве. В течение целого месяца эти попытки были бесплодны. Только в ветеринарном институте студенты выражали готовность забастовать, если другие учебные заведения приступят к действию. В технологическом и особенно в университете настроение было подавленное. Страх об'ял массу студентов. Было немало случаев позорного дезертирства с поля битвы: многие студенты медлили возвращаться после каникул в Харьков, другие спешно брали отпуска (которые, кстати сказать, инспекция давала очень охотно) и без оглядки удирали из Харькова, ссылаясь перед товарищами на мнимое известие об опасной болезни родителей и т. п. предлоги. Назначавшиеся сходы совершенно не удавались или были слишком малолюдны, чтобы постановить решение. Университетская инспекция совершенно истомилась в напряженном ожидании, чем кончится эта канитель, так что даже просила студентов решить раз навсегда, будет забастовка или нет.

Из массы распространенных в этот период листов отметим крайне пылко и красноречиво написанное воззвание «Союзного Совета» и «Организационного Комитета студентов-технологов» с эпиграфом из Горького: «О, смелый сокол! в бою с врагом истек ты кровью...» Воззвание призывало на сходку и выставляло требования: отмену «временных правил» и возвращения 183 осужденных киевлян.

4 февраля «Союзный Совет» выпустил «открытое письмо» к профессорам, извещая о том, что на 5 февраля назначена забастовка, и приглашая профессоров не читать лекций.

За это время распространены две революционные прокламации. Первая — от «Центрального Комитета Русской Социал-Демократической Партии»; другая — от недавно образовавшейся «Партии Социалистов-Революционеров».

Назначенная на 5 февраля студенческая забастовка не состоялась в виду полного равнодушия массы студентов. В воззвании, помеченном 8 февраля 1901 г., «группа студентов харьковского университета» обращается с горьким упреком к студентам, не поддержавшим движения, и к профессорам, которые «не ушли из храма науки, после того, как в нем была обнажена солдатская пашка». Заканчивая словом ободрения пострадавшим товарищам, которые остались одиночками в борьбе, воззвание выражает надежду на то, что «через несколько лет соберется с силами честное студенчество и снова подыметесь, быть может, не одиноко». Таким образом, застрельщики студенческого движения потеряли всякую надежду на организацию борьбы на чисто-профессиональной, узко-студенческой почве.

Но, оставшись изолированной в учебных заведениях, радикальная часть учащейся молодежи не сложила оружия и воспользовалась первым представившимся поводом для того, чтобы вынести свой одинокий протест на улицу. А на улице этот протест сразу принял общенародный и, следовательно, политический характер, и улица, откликнувшись на него, придала ему удесятенную силу.

Студенты решили устроить демонстрацию у собора в день 19 февраля, по поводу сорокалетия освобождения крестьян. По этому поводу распространены две прокламации от организации технологов и ветеринаров. За несколько дней до этого дня некоторые рабочие группы обратились к местному комитету Росс. Социал-Дем. Партии с просьбой распространить на заводах листок по поводу сорокалетия реформы. Гектографированный листок был составлен и распространен (часть задержана полицией). Одновременно другая социал-демократическая организация — харьковский «Союз Борьбы» распространил подобное же печатное воззвание. Рабочие, таким образом, были

подготовлены. К сожалению, студенты не послушались советов устроить демонстрацию вечером, когда и рабочие и служащая интеллигенция более свободны. К двенадцати часам дня небольшая группа студентов собралась в соборе. Выйдя из собора, студенты направились к университету и зепели «Дубинушку». Немедленно все ворота и входы в университет были заперты. Тогда студенты, в сопровождении уже многочисленной публики, направились вниз по Университетской улице с пением. В виду малочисленности собравшихся, демонстранты хотели-было расхотиться, когда на них налетели казаки и, рассыпая удары нагайками направо и налево, окружили человек 40—50 студентов. К этому времени публики набралось уже много, в том числе мастеровые. Некоторые из них пытались прорвать цепь казаков, но безуспешно. Удары плетью сыпались беспощадно. Били, не разбирая, очень жестоко. Побоище произвело потрясающее впечатление на публику: дамы падали в обморок, с одним из студентов начался эпилептический припадок. Арестованных повели в часть по Никольской площади. Масса публики следовала за ними и окружила часть, куда были введены задержанные студенты. Через некоторое время казаки незаметно обошли толпу с тыла и оцепили еще человек 60 студентов и четырех дам.

Слух об аресте студентов распространился по городу и, начиная с шести часов, публика стала собираться по Сумской улице около театра, в расстоянии одного квартала от помещения части, куда были отведены студенты. Скоро раздалось пение «Дубинушки». В шесть часов из двора части выехали казаки и поскакали к театру. Публика встретила их шиканием и свистом. Толпа заполнила тротуары и мостовую. Движение экипажей по этой части Сумской прекратилось. Около театра казаки оцепили человек 70 студентов и направились с ними к части, сопровождаемые публикой. В 7 часов веч. к театру прибыла с барабанным боем рота пехоты. К этому времени публике стало уже известно, что рабочие паровозостроительного завода направились к месту сборища. Часть их (равно как железнодорожных рабочих) была оцеплена и задержана, другие обошли место демонстрации и позже вечером неожиданно хлынули в значительном количестве на площадь перед театром. Сюда же явились рабочие мелких харьковских заводов и ремесленники. К ночи студенты и вообще интеллигенция терялись уже среди рабочих. Толпа пела «Марсельезу», «Дубинушку», «Волю» и другие песни. Во время пения внезапно из двора редакции «Южного Края» налетел на толпу отряд казаков и без всякого предупреждения пустил в ход нагайки. Били даже женщин, стоявших на тротуаре и смотревших на толпу. Многие были при этом ранены. Народ подался, но рабочие бросились к изгороди сквера и, разломав ее, вооружились дрекольем. Весьма активную роль при этом играли мальчишки. Один из них выкинул на длинном шесте красное знамя, которое было смято бросившейся в его сторону полицией. Казакам дан был приказ обнажить шашки, что они и сделали. Позже уже били и шашками плашмя. Толпа все нарастала, пение не прекращалось, в отдельных местах произносились речи, которые было трудно расслышать за неумолчным шумом толпы. В течение всего вечера (до полуночи) там и сям происходили набеги казаков на толпу и схватки ее с царским войском. На площади казаки еще стеснялись несколько, но если атакованная толпа бросалась врасыпную по прилегающим улицам, то казаки, преследуя беглецов, подергали их варварскому избиению. Толпа кричала казакам: «Вон от нас, азиаты!» Раздался голос: «Бить Юзефовича!» (редактора знаменитого «Южного Края»), и толпа, как один человек, бросилась к редакции, но была отбита казаками. Чувствовалось отсутствие организованного отряда, который оформил бы демонстрацию и придал бы ей более стройный вид. К ночи, наконец, удалось войскам очистить Сумскую улицу. О впечатлении, произведенном на население демонстрацией, и о внешнем ее виде нам пишут, между прочим: «Необходимо отметить, что толпа все время вела себя благопристойно, хотя „солидная“ публика ожидала, что рабочие начнут бить стекла в магазинах, задирать прохожих и т. п. Ничего этого не было и в помине... Весь Харьков только и живет тем, что „происходило на Сум-

ской». По самым захолустным улицам слышны разговоры простого народа на тему о причинах столкновения. Все в один голос называют годовщину освобождения крестьян: „Наших дедов били 40 лет тому назад, когда крепостные были, теперь студенты об этом вспомнили, и вот их теперь бьют“... Купцы ругали казаков: „Шли бы лучше на немцев воевать, чем на своих, чтоб вас“... и т. д.»

Очевидцы рассказывают такую сценку во время столкновения. Толстый лабазник сказал: «Мерзавцы студенты». Услыхав это, дюжий рабочий растолкал толпу и с криком: «Ага, мерзавцы!» на глазах сочувствующей публики поколотил почтенного буржуа.

Арестованных (до 200 человек) освободили 23 февраля, кроме 18 студентов и бывшего офицера Ильинского, которые, по словам губернатора, замешаны в политические дела. В университете и других учебных заведениях началась забастовка.

После демонстрации Харьковский Комитет Российской Социал-Демократической Партии выпустил подробную прокламацию к обществу, в которой разъясняет смысл происшедших событий. Отметив историческое значение первого выступления массы русских рабочих на путь открытого выражения политического протеста, Харьковский Комитет привлекает внимание «политически зрелых слоев русского общества» к рабочему движению, как к главной политической силе, способной сокрушить самодержавие. Прокламация заканчивается приглашением действовать всеми средствами политической организации рабочего класса. Можно только приветствовать эту попытку харьковских товарищей использовать происшедшее событие в интересах политического воздействия социал-демократии на все борющиеся с правительством элементы.

Мы очень сожалеем, что этот обзор событий нам приходится закончить указанием на новый пример политического недомыслия наших либеральных союзников. В прокламации, изданной под свежим впечатлением дня 19 февраля и подписанной «товарищами студентами», мы встречаем трогательный рассказ о том, как угнетенные насильями правительства харьковские студенты пожелали перенестись в светлое прошлое, о котором им говорил день 19 февраля, и пошли молиться за «царя-освободителя», каковое их благонамеренное пожелание казаки наградили нагайками. Смеем уверить гг. харьковских студентов, что власть царской нагайки будет длиться над ними тем дольше, чем более они будут коснеть в нелепой вере в разных «царей-освободителей», все царствование которых залито кровью «освобожденных» крестьян и борцов за блага крестьянства. Весь смысл чествования дня 19 февраля недовольными элементами исчезает, если его превратить в чествование памяти того царя, который и в крестьянской реформе, как и во всей своей политике, показал себя орудием класса эксплуататоров в их стремлении заново закабалить поневоле освобожденный народ. Чествовать день 19 февраля, как начало освобождения России от ее общего закрепощения, безусловно следует, но мы бы советовали в этот день крепче помнить не о никогда не существовавших царях-освободителях, а о тяготеющих до сих пор над нами царях-угнетателях. Если бы харьковские студенты-либералы больше думали о последних, они не употребили бы в своем листке нелепой фразы о том, что их били нагайками «вопреки запрету молодого царя». Не говоря уже о том, что такого запрета вовсе не было, мы спросим вас, гг. студенты, а как вы себя почувствуете, если вас избьют заведомо по желанию «молодого царя?» Или в этом случае боль от удара нагайкой покажется вам более приятной?

К и е в.

Самым характерным в ходе студенческого движения в Киеве является резкая борьба между радикальной частью студенчества и буржуазно-консервативными элементами, тормозившими движение и выступавшими довольно решительно и сплоченно. Этим элементам удалось дважды (в январе и середине марта) провалить в политехникуме предложение о присоединении к забастовке; им же удалось в университете не допустить до «беспорядков» в те-

чение всего февраля и половины марта. В свою очередь передовая часть студенчества выступала здесь радикальнее, чем в других городах, о чем свидетельствует, например, воззвание группы «независимых обструкционистов», выпущенное в начале движения, и прокламация «Союзного Совета» по поводу убийства Боголепова, выражающая полное сочувствие Карповичу.

Еще 31 января Киевский Комитет Российской Социал-Демократической Партии распространил печатное воззвание ко всем рабочим «по поводу студенческих беспорядков», в котором разъяснялось политическое значение студенческого протеста. Когда в Киев дошли известия о петербургских, московских и харьковских демонстрациях, Киевский Комитет взял на себя инициативу такой же демонстрации в Киеве и особым воззванием пригласил рабочих явиться в воскресенье 11 марта в 12 часов дня на Крещатик. Демонстрация, в которой участвовали и студенты, прошла блистательно. Колоссальная толпа рабочих (говорят до 15 тысяч) стройно двигалась по Крещатику с красным знаменем и с пением «Марсельезы». Никаких крупных столкновений с властями не произошло. Подробности этой замечательной демонстрации сообщим, когда будем располагать достаточно проверенными сведениями о ней. Здесь же ограничимся поздравлением киевским товарищам, оказавшим своим смелым шагом великую услугу нашей партии. Пожелаем, чтобы организованные товарищи в других местах в ближайшем будущем проявили такую же революционную энергию и понимание тактики, соответствующей действительным интересам русского пролетариата.

* * *

Студенческое движение перекинулось и в остальные университетские центры: в Казань, Томск, Ригу, Юрьев, Варшаву (Ветеринарный институт), Одессу. В Одессе арестовано до 100 человек, в Казани несколько десятков (отчасти по рабочему делу), в Риге тоже. Все учебные заведения закрыты по распоряжению министра до пасхи. Надеясь в следующем номере сообщить более подробные сведения.

* * *

В прокламации от 17 марта Киевский Комитет так описывает демонстрацию. «День 11 марта. Улицы заполнены народом. Под звуки революционных песен, прерываемых криками „ура“, строго спокойно двигаются тысячные толпы демонстрантов; здесь сошлись все, без различия профессий, пола, возраста, национальностей, — ремесленники, фабрично-заводские и чернорабочие, мужчины и женщины, старики и подростки, русские, поляки и евреи. На всех лицах — одушевление, в глазах — восторженный порыв к свету и справедливости, страстное желание жить, жить так, как жить подобает человеку, а не приравленному рабу. Это не бурная вспышка, не бесформенный бунт, движимый слепой ненавистью. Это продуманное, спокойное и организованное движение к иным порядкам, к новой жизни, основанной на началах свободы, равенства и справедливости. В одухотворенности — его мощь. В организованности — залог дальнейших успехов. Товарищи! Нам предстоит еще долгие годы упорной борьбы, но мы владеем теперь сильным оружием — массовым протестом, демонстрацией. При каждом новом злоупотреблении царского правительства мы будем громко протестовать против беззакония во имя человечности и справедливости».

Казань.

О демонстрации в Казани пишут: «11 марта здесь была демонстрация, правда, скромная. Но все же другие города могут сказать: „Даже Казань!“». Если бы не предусмотрительность полиции, она носила бы другой характер. Еще накануне были оцеплены два главных завода и дамба, соединяющая город со слободой, так как боялись,

что придут рабочие. И они, действительно, приняли бы участие, если бы не эта предусмотрительность. Были попытки прорвать цепь, но безуспешно; как говорили (это еще не проверено), многие рабочие (до 60 человек) избиты. Должны были принять участие булочники и ремесленники. Но в ночь на 11-е арестовано до 40 булочников на сходке, где они порешили 11-го забастовать и присоединиться к демонстрации. На главной улице было много студентов и публики. Не успели они еще соединиться и сорганизоваться, как налетела конная и пешая полиция и оцепила почти без предупреждения и без разбору около 150 чел. Простояли часа два. Пропели весь репертуар песен. Было несколько попыток прорвать цепь, но сил было мало. До избития не дошло, хотя случаи насилия, как всегда, были. Затем пришли войска (!) и с помпой отвели арестованных в часть. Теперь некоторых выпустили, часть переведена в пересыльную тюрьму, часть в частные номера, нанятые для того полицией».

Псков

Отданных в солдаты петербургских студентов препроводили почти всех (только троих отправили в Ямбург) в Псков для предварительного обучения дисциплине, недели на четыре, после чего предполагается рассортировать их по разным местам. Многие из присланных страдают физическими недостатками (много, например, с совершенно слабым зрением, один паралитик и т. д.); между ними много несовершеннолетних (20-ти лет, а есть даже 19-ти и 18-ти лет). Сначала положение студентов было сравнительно сносно. Офицеры при первой встрече отнеслись к ним хорошо, но объявили, что, будучи людьми подначальными, они обязаны будут относиться к ним, как к простым рядовым, не допуская никаких льгот и привилегий. Скоро, однако, положение студентов существенно изменилось к худшему, что было вызвано распоряжением какого-то казацкого генерала, приезжавшего для ревизии. Студентам запрещено было брать обеды из офицерского собрания и приказано было довольствоваться из общего котла. Отлучки в город были затруднены, и даже свидания друг с другом стали очень нелегким делом. Издан был приказ, предписывавший ближайшему начальству студентов и даже солдатам говорить студентам «ты», при чем предупреждалось, что нарушение этого правила повлечет за собой строгое наказание. Студентам запрещено было отвечать на вопросы не только нижних чинов, но и офицеров относительно всего того, что имеет прямое или косвенное отношение к их недавнему прошлому. В город начали отпускать с большим трудом: под присмотром так называемых дядек, и притом только до девяти часов вечера. Особенно неприятны отношения к студентам низшего военного начальства их: унтер-офицеров, фельдфебелей, их дядек и т. д. Дело в том, что за всякий дефект у студентов-солдат отвечают их дядьки и учителя: если студент не по всем правилам искусства застегнул пояс, под арест сядет дядьку; если он не так шагнул, как желательно какому-нибудь командиру, — опять-таки отвечает дядька. И вот эти дядьки, совершенно терроризованные, более чем косо смотрят на первоисточник своих страданий, т. е. на пришельцев. К этому нужно еще прибавить, что отсутствие точной регламентации взаимоотношений между опальными солдатами и остальным военным миром дает громадный простор для элемента личного усмотрения и вообще для произвола не только офицерских чинов, но и фельдфебелей, унтер-офицеров и других мелких сошек, так что нередко постоянный надзор и, так сказать, каторжный режим определяется усмотрением этих последних. В общем, однако, главный тон задает полковой командир, так что в разных полках положение студентов различно. Они размещены здесь в трех полках: в Иркутском, Енисейском и Омском, не более двух человек в роте. Особенно тяжело положение студентов в Омском полку, командир которого, Данилов, успел уже «прославиться» своим чисто азиатским отношением к студентам. Из страха перед ним, со студентами обращаются грубо и те из полковой иерархии, которые в глубине души ничего не имеют против них.

Неприятности для студентов начались здесь с самого дня их приезда. На первом же смотре омский полковой командир произнес перед всем полком речь, в которой предупредительно напомнил им, что студенты — простые рядовые, и потому ничего обращать внимания на их образование. «Ваше образование немного стоит, — заявил он им, — Вы должны забыть о своем прошлом и должны сделаться настоящими солдатами... С вас сняли штатское платье, — теперь мы вышибем из вас штатский дух... К вам ездят, о вас соболезуют: на-днях мать одного из вас явилась ко мне и говорила, что хочет выписать сюда отца. Передайте вашим родным и другим посетителям, что им приезжать совершенно незачем... В казарменной жизни нет ничего ужасного, поэтому нечего и соболезновать».

Через несколько дней в полку случилась экзекуция: проштрафовавшегося солдатика должны были наказывать розгами: напрасно студент той роты, которая должна была присутствовать на экзекуции, хотел под тем или иным предлогом уклониться от ужасного зрелища: позаботились о том, чтобы он был как можно ближе к омерзительной сцене.

На втором смотре один из студентов Омского полка, Терриан, благодаря слабой мускулатуре правой руки, не мог долго продержаться ружья в горизонтальном положении. Командир полка, заподозрив студента в притворстве, вырвал у него ружье, толкнул и, обозвав «негодяем», велел посадить его (конечно, и дядьку тоже) под арест. Через несколько минут, очевидно, сознав, что он хватил через край, псковский бурбон приказал «расследовать» это дело и отменить арест студента. Медицинское освидетельствование показало, что студент действительно не может держать долго ружья.

Вообще положение студентов-солдат, если иметь в виду только здешних, очень тягостное. Их человеческому достоинству приходится страдать на каждом шагу. Все они в один голос утверждают, что иное заключение было бы раем сравнительно с солдатчиной.

Нужно, впрочем, заметить, что все они бодры и не унывают. О себе они неохотно даже распространяются и с лихорадочным нетерпением ждут вестей из разных концов России: идут ли вслед за ними товарищи, просветляется ли темный горизонт русской общественной жизни?

Неужели большинство русских офицеров не возмущается позорным клеймом, накладываемым на них поведением Данилова?

[П. Лепешинский]

В хронику общественных протестов.

Ряд возмутительных беззаконий царского правительства заставил, наконец, протестовать наше буржуазное общество. С удовольствием отмечаем факты, свидетельствующие о политическом пробуждении русского общества.

С февраля стали собирать по всей России подписи под либеральной петицией царю по поводу студенческих волнений. Петиция говорит против знаменитых «временных правил», клеймит политику Боголепова и заканчивает просьбой «оказать доверие общественному мнению» и призвать общество к «свободному и благотворному участию в делах родной страны». По сообщениям корреспондентов, подписи под петицией собираются ходко. После великого избиения 4 марта, эта петиция была опубликована в английской газете «Times» с указанием, что она исходит от некоторых профессоров и сенаторов.

Побоище 4 марта послужило поводом к целому ряду протестов. Как известно из газет, член Государственного Совета, ген.-лейтенант князь Вяземский на самом месте побоища мужественно протестовал против полицейских безобразий, за что удостоился высочайшего выговора. Пусть утешится князь Вяземский — перед судом истории и общественного мнения это царское обругание

почетнее, чем все знаки царской милости, заработанные им на службе самодержавию. Нам пишут, что сверх того, Вяземский выслан за границу.

Немедленно после побоища 45 литераторов составили свое известное заявление, беспощадно клеймящее царское правительство, намеренно совершившее гнусную бойню. Позднее к этому заявлению присоединились еще 34 литератора. Заявление это, разосланное в редакции газет, опубликовано в заграничной и подпольной печати.

9 марта «Союз взаимопомощи русских писателей» уполномочил свой комитет подать министру внутренних дел заявление о совершенных в день 4 марта над членами Союза насилиях. То же заявление было подано и министру юстиции с приложением просьбы об ускорении пересмотра законов о печати, делающих невозможным для печати спокойным обсуждением общественных вопросов предотвращать события, подобные мартовским. Сверх того, Союз просил впредь до этого пересмотра «снять запрет, препятствующий обсуждению в печати вопросов о причинах студенческих волнений».

В ответ на эти заявления комитет «Союза писателей» получил такую бумагу от 12 марта: «По распоряжению г. министра внутренних дел... Союз взаимопомощи русских писателей закрыт, о чем объявляю комитету для сведения и соответствующих распоряжений».

7 марта заслуженный профессор института путей сообщения, действительный статский советник Белелюбский, подал градоначальнику Клейгельсу подробное заявление о происшедшей 4 марта бойне. Белелюбский указывает на то, что, вопреки заявлению «Правительственного Вестника», «грубая сила, в лице казаков и городских, действовала без предупреждения». Переходя затем к «временным правилам», послужившим причиной беспорядков, Белелюбский приглашает Клейгельса исправить случившееся «по недоразумению», испросить у царя отмену «временных правил» и освободить всех арестованных. За это обращение к петербургскому паше Белелюбский выслан из столицы. Поведение этого старого профессора особенно выигрывает при сравнении с поведением тех университетских профессоров, которые сами участвовали в совещаниях об отдаче студентов в солдаты.

12 марта известный академик А. С. Фаминцын внес в Академию наук «предложение» такого рода. Указав на то, что пункт 61 устава Академии позволяет академику в свободное время заниматься другими делами, «соответствующими его званию», почтенный академик поднимает вопрос, какие занятия следует считать соответствующими высокому званию академика. «Несовместимую со званием академика представляется мне деятельность в качестве попечителя Н. Я. Сонины. Как известно, Н. Я. Сонин состоит во главе „особого совещания“ — судилища над молодежью. Под всеми административными распоряжениями Н. Я. Сонин подписывается не только в качестве попечителя, но и как ординарный академик, что может подать повод лицам, не близко знакомым с делом, к ошибочному заключению о причастности Академии к административной деятельности академика Сонины». А. С. Фаминцын заканчивает утверждением, что «деятельность академика Сонины в качестве попечителя не соответствует ни достоинству Академии, ни званию ординарного академика», и приглашает Академию высказать свое мнение об этом вопросе. Решение Академии нам еще неизвестно.

Поздравляем петербургского попечителя, академика Сонины, с публично полученной пощечиной. Можно желать только успеха попыткам действовать на зарвавшихся опричников самодержавия выражением общественного презрения.

Наконец, отметим опубликованное 14 марта заявление очевидцев «зверских действий полиции 4 марта». Заявление утверждает, что «правительственное сообщение о поведении публики и учащейся молодежи заведомо лживо». Отмечая всю лживость рассказа о мнимом бесчинстве студентов в соборе, очевидцы утверждают, что «Клейгельс устроил учащейся молодежи ловушку». Со слов самих казаков очевидцы заявляют, что офицеры накануне внашали рядовым, что студенты хотят убить царя, а потому их надо бить без пощады, и что утром 4 марта полицию и казаков напавали водкой. После описания са-

мого избияния заявление кончается таким призывом: «Общество должно решительно, единодушно протестовать всеми средствами против полицейского террора и избияния своих детей. Оно нравственно обязано требовать отмены „временных правил“, требовать строгого расследования событий 4 марта..., требовать суда над Клейгельсом, как человеком, совершившим преступление с заранее обдуманном намерением».

Посмотрим, сумеет ли общество не успокоиться до тех пор, пока все эти требования не будут удовлетворены, и не продать своих святых прав за первые иезуитски-кроткие слова «с высоты престола».

Гражданский подвиг мужей науки.

Русская публика привыкла ничему не удивляться, однако, и ее поразило воззвание московских профессоров к студентам, появившееся 26 февраля в «Русских» и «Московских Ведомостях», якобы от имени 72 профессоров, бывших в заседании совета университета, на котором это воззвание обсуждалось. На самом деле, как следует из письма нескольких профессоров, полученного позже в «Московских Ведомостях», это произведение принято всего 57 профессорами, — цифра во всяком случае почтенная. Жрецы науки позорно молчали, когда правительство сдало киевских и петербургских студентов в солдаты, хотя не могли не знать, что этот акт должен будет вызвать студенческие беспорядки; они не ответили на эту гнусность правительства единственно достойной мерой — коллективным выходом в отставку. Но когда протест охватил массу студентов, когда он завоевал сочувствие общества, когда народная масса в Харькове и Москве вступилась в дело студентов, московские профессора вылезли из своих уютных кабинетов и выступили открыто в роли защитников порядка, коварно задумав внести раскол в студенческую среду. Под личиной забот о бедных студентах они предостерегают против тех подстрекателей, которые «запутывают и намеренно ухудшают и без того нелегкое положение» студентов, которые «навязывают вам новое (!), несвойственное студенту слово и деяние — „забастовка“ и проч. в том же духе. Призывая студентов вернуться к занятиям, профессора берутся тогда «содействовать» приведению в порядок университетских дел. Все это и многое другое изложено Суворинским тоном, представляя поистине Иудушкино пустословие. Само собою разумеется, что своим возванием профессора ничего не пожалели, кроме всеобщего презрения, выразившегося в резких листках московских, киевских и харьковских студентов.

Политически-мыслящей части студенчества этот гнусный документ должен был открыть глаза на то, какую нравственную порчу вносит в храм науки самодержавный режим, как убивает он в профессорской среде всякую гражданскую порядочность. Выставляя требование восстановления устава 1863 г., имеющее, между прочим, целью нравственное оздоровление профессорской среды, студенты должны понять, что каждый политический режим создает свои университетские порядки, и режим Победоносцевых и Боголеповых неминуемо связан с теперешним строем университетской жизни. Вот почему чисто профессиональная борьба студентов за лучшие университетские порядки должна стать политической борьбой за общую реформу нашего общественного строя.

Профессорская среда ответила на студенческий протест гнусным нападением с тылу, попыткой оклеветать лучшую часть студенчества и внести в нее раскол. А народная масса поддержала студентов и придала их движению политическое значение. Пусть убедятся студенты, что, только соединившись с этой массой, только присоединив свой частный протест к общему протесту рабочего класса против источника всего нашего общественного зла и всякой нравственной заразы, они станут действительной силой. Пусть явятся в день 1 мая поддержать требования рабочих!

С особенным удовольствием помещаем присланную нам В. И. Засулич статью, которая, мы надеемся, будет содействовать правильной постановке в наших революционных кругах вновь выплывающего вопроса о терроре.

ПО ПОВОДУ СОВРЕМЕННЫХ СОБЫТИЙ.

Правительство затеяло борьбу со студентами, бесполезную и бессмысленную даже с точки зрения усовершенствования самодержавия и вырастило из этой борьбы такое широкое политическое брожение, какого никогда еще не переживала Россия. В самом деле: студенческие волнения длятся уже 40 лет, в течение всего пореформенного периода. Правительству давно пора привыкнуть к мысли, что, что бы ни выделяло оно с университетами, сплошь спокойного студенчества ему не дожидаться. А с другой стороны, тот же сорокалетний опыт должен бы доказать правительству, что одни чисто студенческие волнения большого зла ему не причинят. Все привыкли к тому, что студенты периодически волнуются, а их за это исключают и высылают; благоразумнее, казалось бы, быть в этой области консервативным.

Трудно объяснить „временные правила“ чем-нибудь иным, кроме намерения и здесь, как везде, приблизиться по возможности к дореформенным порядкам. Студенческих волнений при Николае I не было, а если бы они были, студентов непременно отдавали бы в солдаты: — надо попробовать отдавать.

Правда, послужившие поводом к этой реформе волнения 1899 г. были единодушнее, чем когда-либо, но ведь и нагайки, пущенные в ход против искусственно собранной мирной толпы студентов, тоже были сравнительно новы и совершенно неожиданны. Во всяком случае, киевская сходка, к участникам которой впервые применены жестокие „правила“, ничем не выдавалась из ряда бесчисленных сходок, тянувшихся с самого начала шестидесятых годов.

Но если киевляне только воспользовались своим естественным правом сходок, от которого никогда не отрекалась лучшая часть студенчества, то приговор над ними сделал все дальнейшие протесты обязательными, а следовательно, и неизбежными. Их требовал закон, писанный в совести, в сердце каждого человека. Их требовало чувство солидарности — самое элементарное и в то же время самое основное, самое необходимое общественное чувство. Его не приходится внушать людям; оно само собою вспыхивает всюду, где коллективность сталкивается с враждебной силой. Оно при всяких волнениях проявляется у крестьян, у рабочих, — не только у организованных, борющихся рабочих, а у первых попавшихся, при первом же столкновении с хозяевами. Чтобы истребить в себе это чувство, нужно долголетнее упражнение в его подавлении, надо много софизмов, много резонирующей трусости, называемой «практической мудростью», о которой с таким справедливым презрением говорится в некоторых студенческих прокламациях.

У студентов нет этой мудрости и быть не может по той простой причине, что, к счастью, она не передается по наследству, а в каждом поколении приобретает личным упражнением.

«Бросить в такую минуту товарищей, полных доверия к нам, нельзя! Это нечестно, бессердечно!» Эти простые слова одного из московских студенческих воззваний

выражают непосредственное чувство всякого честного и не бессердечного человека. Оно шевелилось, наверное, и у большинства студентов, сперва колебавшихся присоединиться к протестующим товарищам. Новые приговоры, новые жестокости, усиливая чувство, вели к новым и новым протестам.

Что протесты будут, знали все, знали, конечно, и правительство; совершая свою жестокость над киевлянами, оно не могло не знать, что впереди предстоит неопределенная, как лавина растущая масса жестокостей. И на все это предстояло молча и сложа руки смотреть нашему образованному обществу, доведшего себя долготлетним упражнением в подавлении всякого помысла об активном вмешательстве в общественную жизнь до полной, казалось бы, атрофии всякой деятельной энергии. Но на этот раз правительство задело такие чувства, которые нельзя заглушить никаким упражнением, заставило многих сказать себе то, что так хорошо выразила одна «мать» в лежащем перед нами открытом письме, отвечающем на вопрос: «Кто виноват?»

«Виноваты мы, — отвечает она. — Мы безропотно живем без того, без чего немисливо существование мало-мальски культурного общества: без свободы слова, неприкосновенности личности, неприкосновенности жилища. Этой нашей безроптности надо подыскивать унижительное для нас оправдание: мы не дозрели до всего этого... Но нет оправдания нашему молчанию и покорности там, где мычит и протестует даже животное... Человек, прежде чем взять щенка или котенка, оглядывается, где собака или кошка. Победоносцевы не оглядываются, им не с чем считаться. Кого бояться? Общества? Они знают ему цену, презирают и плюют на него. Правы ли они? Да! Тысячу раз да! Мы — хамы, рабы, лакеи, мы заслужили все это; мы заслужили и то, что наши дети могут нам бросить... свое проклятие за их загубленные молодые жизни: они будут правы».

Это — крик невыносимой боли, и трудно усомниться в том, что эту боль разделяют очень многие, а понимают все, не запродавшие раз навсегда своего языка полиции.

В этой атмосфере боли и злобы, мучительного бездействия и молчания выстрел студента Карповича, пожертвовавшего собою за то, чтобы отомстить за товарищей, не мог не вызвать самого горячего, всеобщего сочувствия. Когда ничем нельзя помешать совершающемуся на глазах злодейству, чувство мести становится самым законным общественным чувством.

Но студенческий протест, все разрастаясь, сломал, наконец, окружающую его полицейскую стену общего молчания и бездействия. С одной стороны, он вышел на улицу*, и улица в лице рабочих и разношерстного

городского разночинства встретила протестующее студенчество с самым горячим сочувствием и с полной готовностью разделить с ними, где возможно, предназначенные для него нагайки.

С другой стороны, протест поднялся вверх и заставил, наконец, зашевелиться и заговорить такие сферы нашего образованного общества, которые встречали все предыдущие контр-реформы одним лишь «благородным молчанием». В первый раз правительство наткнулось на громкое негодование против одного из своих мероприятий, выраженное значительным большинством всех слоев населения, хоть что-нибудь знающих об этом мероприятии, и в первый раз никакие свирепости, ни нагайки, ни аресты не в состоянии водворить обычного молчания. Уже несколько лет подряд такое же бессилие, несомненно, чувствует специальное ведомство, занятое истреблением нелегальной рабочей прессы и организаций. Все это продолжает существовать и множиться, несмотря на непрерывные аресты, во много раз превышающие самые крупные облавы 70-х и начала 80-х гг., так что иной раз и сажать-то некуда. Но эта безуспешная борьба с ростом сознания и объединения рабочего класса шла до сих пор где-то глухо, глубоко и далеко, так что для Европы, для почтенной чистой публики и даже для самых высших правительственных сфер под картиной русской жизни, — если смотреть на нее, хорошенько прижмурив глаза, — продолжала красоваться надпись: «На Шипке все спокойно». Теперь надпись сорвана, и «временные правила», по всему вероятию, будут отменены. Уж слишком неприятно и невыгодно для правительства продолжать доказывать и себе самому и всему миру, что оно успело так раздражить широкие слои сознательного населения, что у них страх прошел, что они предпочитают риск всяких кар повиновению.

Писатели, внесшие свои имена в почетный ряд подписей под свидетельским показанием всему миру о зверствах у Казанского собора, говорят, что их ужасает будущее страны, отданной на жертву кулакам и нагайкам, а нам их мужественное заявление кажется одним из признаков того, что лучшее будущее гораздо ближе, чем можно было думать месяц тому назад. Они говорят далее, что давно уже лишены возможности исполнять свой долг перед родиной, но в ту минуту, когда они писали свое заявление, они его выполняли. Весь вопрос в том, заснут ли снова силы, разбуженные применением „временных правил“, или сохранят раз приобретенную энергию.

громить студентов от имени народа, очевидно, деревенского, не высказавшего своего мнения о «временных правилах». Это самая наглая и очевидная клевета на крестьян. Они не высказались и не выскажутся просто потому, что не знают, в чем дело. Но и деревенские парни, деревенские отцы и матери, представив себе своих детей отданными в солдаты, без очереди, несмотря на болезни, на несовершеннолетие, отданных за то, что собрались на сходку обсудить свое дело, за то, что не захотели «выдавать своих», нашли бы, что это несправедливо. А если бы они узнали затем, что невинно наказанные студенты должны жить в казарме как зачумленные, что против них восстанавливают остальных солдат, а им запрещают хоть слово сказать в свою защиту, многие бабы расплакались бы от жалости и все нашли бы, что это лютые, живодерские «правила». Что это так, знает и само правительство. Зачем же иначе возмутительное запрещение отвечать на вопросы как офицеров, так и обмундированных мужиков?

* В Москве, собственно, сама улица, в лице рабочих, без зова и без сговора, вышла на защиту студентов, загнанных в манеж за сходку в стенах университета. Двадцать три года тому назад московская улица (в частности мясники), избив толпу студентов, была возведена за это Катковым в представительницы «русского народа», ответившего, будто бы, этим избивением на «скандал, устроенный петербургской либеральной интеллигенцией». Теперь московская улица из «представительниц народа» будет, конечно, разжалована. Она сама стала более, чем «либеральной», и если бы полиции и удалось подыскать сколько-нибудь пригодных мясников, рабочие им даже и шевельнуться не дали бы, так как не особенно пугались даже казаков и жандармов. Реакционная пресса продолжает, однако,

Уже несколько лет, как Россия вступила в эпоху под'ема, несравненно более широкого, чем закончившийся 20 лет тому назад, но и теперь успех этих освободительных потуг можно считать обеспеченным лишь в том случае, если вся освободительная работа не будет сброшена на плечи одних только передовых слоев рабочего класса и революционной молодежи, если в этой работе примут то или иное посильное участие все враги различных видов нагайки.

Но рядом с вестями, говорящими о громадном расширении политического движения, нам попадаются на каждом шагу такие сообщения о том, что в «публике», среди «мирных либералов», «простых обывателей» слышатся теперь надежды, предсказания и пожелания, чтобы возобновился снова «террор», которым закончилось революционное движение 70-х годов. Это говорит, повидимому, о том же самом широком возбуждении, и тем не менее укрепление таких надежд имело бы, по нашему мнению, противоположную тенденцию: суживать, а не расширять поле битвы.

Единичные акты самопожертвования, как выстрел Карповича, не исходящие ни от какой организованной силы, не могут сосредоточивать на себе общественных надежд. На них нельзя рассчитывать. Это не акты борьбы, а лишь выражение общего озлобления и боли, вызываемой особенно ненавистными проявлениями самовластия. Предумышленные, конечно, со стороны действующих индивидуумов, они инстинктивны, но предумышленны со стороны солидаризирующихся с ними общественных элементов, которые своим неудержимым, горячим сочувствием признают эти действия за выражение своего накипевшего чувства. Такие выстрелы не могут заменить собою в умах сочувствующих какой бы то ни было другой освободительной деятельности.

Нечто совершенно иное представляет собою террор, входящий в программу организованной группы в качестве способа борьбы за свободу и представляющийся окружающей террористов сочувственной среде путем к освобождению. Мы глубоко убеждены, что в настоящий момент такой террор, если бы на нем начали сосредоточиваться общественные надежды, не только не усилил бы освободительного движения, а наоборот, ослабил бы его.

Не потому, конечно, почему Бисмарку оказались выгодными покушения Геделя и Нобилинга, а полиция Наполеона III хлопотала по временам о примерных заговорах. Наполеону нужны были предлоги для введения тех или иных «временных постановлений»; Бисмарку не удалось бы без покушений провести через рейхстаг исключительные законы. Но Россия и так живет под всевозможными чрезвычайными, исключительными и временными постановлениями, и за долгий период такой подавленности общественного настроения, какой только может пожелать любой деспотизм, ни одно из ненавистнейших «временных правил» не было отменено, а все те учреждения, какими только дорожили русские люди не полицейского образа мыслей, подверглись изуродованию и уничтожению. Русским нечего охранять и нечего терять, кроме цепей. Если об этом еще мог быть вопрос в 60-х годах, то уж никак не теперь.

Террор кажется нам неподходящим в настоящий момент способом действия не сам по себе, а по своему неизбежному психическому влиянию на окружающую среду.

Враг русской свободы, которого нужно убить прежде всего, при котором не помогут никакие убийства, это — сохранение предписанного правительством молчания и бездействия, это — повиновение таким приказам, которые ни в каком случае не могут считаться законами, а лишь враждебными мероприятиями правительства против той растущей части россиян, которая по его же собственному убеждению не может не желать его европеизации.

Таковыми мерами борьбы, а не законами, являются все указы и приказы относительно печати, собраний, союзов, преподавания и учения. Лет 30—40 тому назад эта борьба против роста сознания и об'единения россиян, против развития в них самостоятельности и энергии была чувствительна почти исключительно лишь людям, получившим среднее образование; теперь она ведется против всего рабочего класса и в значительной степени распространяется на крестьян, посредством всяких препятствий распространению и улучшению школ, сельских библиотек, народных чтений, путем нелепых каталогов и преследования сельских учителей. Сломить широким и всесторонним неповиновением все эти рогатки, настроенные правительством между потребностями его подданных и их сознанием, с одной стороны, и между самими подданными, с другой, должно быть, не может не быть первым шагом по пути к освобождению. Чем большее число россиян отбросит рогатки, тем легче и безопаснее будет становиться всестороннее сопротивление насилиям правительства. Но для этого необходимо, чтобы исчезло очень распространенное мнение, что «не стоит рисковать по пустякам», необходимо убеждение, что в деле разрушения созданных правительством преград политическому сознанию и об'единению его подданных нет пустяков, а нужно и важно все, что вопреки насилию создает гласность, создает свободную печать, тайные политические союзы и подготовленные всем этим политические манифестации, громкие заявления об'единяющейся общественной воли.

Во всем этом каждый шаг, каждое действие так же необходимо, как необходима для жизни организма каждая капля обращающейся в его жилах крови. Последний решающий момент освобождения не делается, он обыкновенно случается, но эта случайность подготавливается и становится неизбежной вследствие развившейся, вопреки всем рогаткам, активности, энергии общества, его воле стать свободным*.

* За последние полтора века такие же рогатки против «просвещения» и об'единения своих подданных строили все пережившие себя правительства континентальной Европы, и всюду они заранее опрокидывались стремившимся к свободе населением. Чуть не вся литература французского «просвещения» печаталась в Голландии и, несмотря на сжигание книг и на Бастилию, жадно читалась во Франции. Меттерниховская Австрия почти перестала читать книги, не запрещенные австрийской цензурой. Вся континентальная Европа первой половины девятнадцатого века кишела тайными обществами, от сравнительно умеренных до самых крайних.

И у нас за последние годы рабочие имеют свободную печать, в их среде не прерываются организации. Все это еще далеко не совершенно и оставляет желать очень многого относительно как качества, так и количества, но страх перед запрещенной начальством книжкой убит безвозвратно, и спрос на нее во много раз превышает удовлетворение. Когда волнуются студенты, и они тоже создают свою гласность бюллетеней, свои комитеты. Если наша широкая интеллигентная публика обыкновенно обходится без свободной печати, то причина этого заключается лишь в недостатке активности и энергии. Развитие по-

Вот этому - то свободному развитию общественной активности и энергии террор не только не содействует, а по самому существу своему не может не ставить психологических препятствий, если он представляется путем к освобождению и начинает сосредоточивать на себе общественные надежды.

Террор, несомненно, очень волновал все жаждущее свободы русское общество, но это было пассивное волнение, самодовлеющее, не толкающее к действию, сродни эстетическому волнению, вызываемому великими художественными произведениями. Иной либеральный обыватель мог плакать от умиления перед геройством террористов, но его собственной жажды деятельности и способности к риску это не увеличивало. Между героями и им была пропасть. Действующими террористами, по самой сути дела, могли быть лишь очень немногие, исключительные по своей энергии, бесстрашию, конспиративной ловкости и опытности люди, а самая сила впечатления, производимого их делами, заставляла бледнеть и терять привлекательность все другие дела, начавшие казаться «пустяками». Вся активность, вся энергия сосредоточилась в горсти героев, дух борьбы не разливался вширь по мере ее заострения, а находил исход лишь в сочувствии, в вере в «Исполнительный Комитет»: он освободит.

При таком направлении общественной энергии не создавалось силы, которая могла бы воспользоваться некоторым психическим расстройством, произведенным террором в правительстве, так как уж этого-то ни в каком случае не могла сделать нелегальная организация террористов. А сужение революционного под'ема, как бы ни было сильно обострение, само по себе вело к его истощению. Передача борьбы за освобождение в руки горсти героев, какой бы сверхчеловеческой силой они ни обладали, не только не вредит самодержавию, а сама является следствием чувств и понятий, унаследованных от самодержавия. Его верные слуги обязаны думать, что все дела родной страны, ее законы и учреждения зависят всецело от высшего начальства, — в принципе от одного человека, — а остальные подданные могут по собственной инициативе только «ура» кричать. Но если сторонники свободы, предоставляя ее завоевания горсти героев, оставляют за собой лишь то же самое «ура» в глубине души или в разговоре с приятелями, — разве это не наследие самодержавия?

А с другой стороны, мне вспоминается один разговор в «Братьях Карамазовых» между Иваном и Алешей. Иван спрашивает брата, может ли он допустить, чтобы люди, если бы для их счастья нужно было «замучить одно только крохотное созданище, одного ребеночка», могли согласиться на это. Алеша отвечает, что на это согласиться нельзя.

Ответить утвердительно на вопрос Ивана, сказать, что «счастье» (или избавление от дрящегося бедствия, называемого самодержавием) стоит страдания, с полным правом могут все те, но только те — не правда ли? — кто себя ставит рядом с «ребеночком», кто на себя готов

пулярной рабочей литературы встречает задержки в простом недостатке материальных средств. Таких задержек не могла бы встретить литература, в которой нуждалась бы несравненно более зажиточная интеллигентная публика. Если такой литературы нет, то только потому, что потребность в ней еще не переросла привычной трусости и инерции.

взять долю и работы, и риска, и страдания, коли понадобится. У героев террористов было много поклонников, но им одним досталось не только все дело, но и все страдание. Еще счастливы были те, кого казнили немедленно, но что вынесли остальные, которых год за годом замучивали в Шлиссельбурге! Их поредевшие остатки и теперь еще доживают там у могил замученных товарищей...

Хорошо, если бы все, кому хочется теперь возобновления террора, спросили себя: что будут они делать во время террора и где будут во время расплаты за него?

* * *

Двадцать слишком лет тому назад террор зародился на почве безнадежности разбудить крестьян. Для многих из террористов он был лишь оружием отчаяния, заставляющего отдавать жизнь за то только, чтобы, по выражению Степняка, заставить корчиться удава, сдавливающего своими петлями тело России.

В настоящий момент русским людям, желающим свободы, нет никаких причин отчаиваться. Нужно только, чтобы все сторонники свободы, все враги нагайки поняли, что на этот раз победа возможна, если все они примут в борьбе то или иное посильное участие, что нечестно и бессердечно смотреть на борьбу сложа руки, что — с ними или без них — она пойдет своим чередом — к победе, если все захотят ей содействовать, — к новым «восьмидесятым годам», к новому (временному, конечно) торжеству спокойствия, царствовавшему на Шипке, если общая задача будет свалена на плечи одного отборного передового отряда.

В. Засулич.

* * *

Посвящается читателю-другу.

«Паче всего люби родную литературу и звание литератора предпочитаю всякому другому», — писал Салтыков, своему сыну.

Мы сказали бы так: превыше всего ставь достоинство и честь свободной человеческой речи и, любя родную литературу, звание революционера предпочитаю всякому другому.

История печатного слова в России — скорбная история бесконечных поношений и утонченного издевательства. В самодержавном застенке неустанно пытали и пытаются музу русского писателя — «эту бледную, в крови, кнутом иссеченную музу». И если порой — в кои-то веки — ей легче становится жить и вольготней дышать, то лишь потому, что где-то раздалось — властно и страстно — революционное «слово и дело». Обратитесь к прошлому: в «вольностях» «Современника» и «Русского Слова», в цензурной реформе 1865 г. вы услышите явственный звон герценовского «Колокола». И если в 1880 — 1881 гг. на литературу нежданно пахнуло мимолетной «весной», то знайте — это народовольческая когорта самоотверженных пронеслась блестящим, но скоро меркнущим метеором по темному небу русской действительности.

Куда же оно скрылось, это вещее слово, где обаяние подполья? Не подлежит сомнению, в наше смутное время тревожных ожиданий и колеблющихся надежд революционер — не в фаворе, его действие происходит за кулисами исторической сцены, не слышимое и не видимое большою публикой, и слово его не гудит, сзывая свободных духом людей,

Как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных!

Серое время, мелкие люди, — еще недавно слышался ропот. Какой то исторический антракт: бывшее завершилось катастрофой, грядущее собирается с силами. Бродят стихии, вершится кротовая работа, но когда же, когда настанет момент, и тайное делается явным, и вялость антракта уступит место героизму всероссийской трагедии?

Нам, русским социал-демократам, не мешало бы задуматься над доносящимся ропотом. Правые вчера, мы можем оказаться виноватыми завтра и, не став рулевыми движения, захлебнуться в его бурных волнах.

Дети мрачной години, мы вышли когда-то на работу при брезжущем свете едва занимавшегося утра. Все спало вокруг или бормотало спросонья, когда мы начали строительство. Камень за камнем возводили мы здание, крепили фундамент и, нащупывая каждый свой шаг, проторяли дорогу, подвигаясь вперед, к увенчанию нашего здания.

Вместе с грудой разбитых иллюзий нам досталась в наследие от прошлого память о тех, чья...

Песнь бесследно пролетела
И до народа не дошла...

Тени погибающих стояли перед нами, немолчно звенело в ушах: слава застрельщикам, первым борцам, увлекающим массы и вдохновляемым ими. Но зато — горе тем, кто замкнется в кружках, изойдет в партизанском геройстве. Их встретит — сдержанный шопот либеральных похвал, и проводит в могилу — лобзание Иуды. В решительную минуту раб выдаст героя и юркнет в свою теплую нору... Становитесь в шеренги великого войска, стройно и в ногу идущего к цели. Все за одного и один за всех: воинствующий пролетариат постоит за себя, отомстит свои жертвы...

Русская жизнь — аморфное целое, над которым парит дух наглого хищника и самодержца-бюрократа. В атмосфере еле тлеющего сознания и сознающего себя бессилия протекал — медленно, но верно — процесс кристаллизации нового общественного элемента. Конечно, стороннему наблюдателю (из породы строгих критиков) видны были одни неприглядные формы и серые краски процесса: какая скука, какая проза! Копейка на рубль — и это лозунг!..

И в то самое время, как платонический любовник революционной эстетики будировал растущее движение, социал-демократу было по горло работы — в лаборатории русской революции. Так много мелкой, невидной, но засасывающей работы, что не всегда удавалось ему, когда нужно, взглянуть за стены своей лаборатории. Его глаз, прикованный к одному месту и обостренный в уловлении деталей, становился порой близоруким и терял общественную перспективу. Но эта беда была

полубедой до тех пор, пока безысходный, казалось, застой мертвил все живое, луч сознания пробирался ползком в обывательские головы, и каждый «сверчок» на Руси знал только «шесток», дарованный ему — от начальства. Тогда лаборатория была — целый мир, самодовлеющий и цельный.

Положение стало иным, лишь только забродило кругом. Свист казацкой нагайки действительно красноречивых речей и сознательней пения — любой революционной сирены. Пробив толстую кору равнодушия, он «ударил по сердцам с неведомой силой» и всколыхнул обывательскую трясиину. Вопрос о «правах человека и гражданина», политический вопрос, встал — ярко и неотразимо — перед пестрой толпой негодующего люда. Он встал перед студентом, забритым в солдаты; перед рабочим, пришедшим платить свой долг молодежи; перед писателем, наказанным за то, что в нем заговорил голос чести; перед всем тем народом, не желавшим бесстрастно созерцать человеческую бойню и за это — избитым. Он встал — и взвалил на социал-декрата тяжелую ношу. Кому много дано, с того много спросится. Годами слагавшейся социал-демократии дано то, чего не имеет никто — в среде русской оппозиции: даны элементы организации. Придя к перекрестку, на котором сошлись многообразные пути общественного движения, социал-демократия должна учесть свой баланс и подвести итог приобретенному. Окажется ли она на высоте положения, вровень ответственному моменту переживаемой истории? В ее руках бесценное орудие — пресса — заостренное и отточенное на зло самодержавно-чиновной клике. Передовой пролетариат эмансипировал себя от цензурной указки, ему надлежит понести теперь эту свободу и другим — в среду всех недовольных. А для этого надо — усовершенствовать орудие, приведя его в соответствие с усложненной задачей, — надо уметь вонзать нож анализа во все изгибы действительности, надо уметь отражать многогранность ее — под своим углом зрения. Готова ли к этому социал-демократия?

Газетное дело — хоровое дело, оно спорится в руках не солистов, а запевал подхватывающего хора. И плохо придется певцу-писателю, который не услышит за собой согласной поддержки хористов-читателей. Читатель-друг, читатель-сотрудник — необходимый устой писателя: болеет один, хворает другой, страдает все целое. Как Салтыков молил когда-то читателя: друг, защити! так и теперь социал-демократу-писателю приходится взывать: друг, помоги, вперяй свой пытливый взор во все живущее и неси свободному станку сконцентрированную боль, подслушанный стон, страдальческий крик твоей родины. Шире кругозор, надо вдаль учиться смотреть!

И только тогда, когда социал-демократия во всеоружии подойдет к узловому пункту истории, раздается опять давно забытое вещее слово, и революционера будут чтить на Руси все те, кому дорого имя — свобода!

[А. Потресов]

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ И ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Царское утешение безработным. Безработица на юге все растет. Как сообщает корреспондент «Нового Времени», к 15 января только в Бахмутском и Славяносербском уездах насчитывалось около десяти тысяч безработных. В начале же февраля, когда надежды углепромышленников на улучшение дел не оправдались, число безработных «стало увеличиваться не по дням, а по часам». Как сообщает корреспондент упомянутой газеты, «для более точного выяснения причин безработицы», екатеринославский губернатор гр. Келлер созвал в Горловке с'езд «из осведомленных лиц, близко стоящих к горно-заводской промышленности». Но, вероятно, для того, чтобы с'езд не доискался слишком «точно» действительных причин безработицы, граф Келлер сказал перед открытием его: «При проезде его величество государь император изволил выразить уверенность, что уменьшение производительности фабрик, заводов и каменноугольных копей должно считать заминкой в производстве, но никак не кризисом, и что заминка эта временная». Утештесь, безработные! Его величество уверено, что вы голодаете не по причине промышленного кризиса, а только по случаю «заминки»! Это великое утешение. Когда в 1891—92 гг. голодало 40 миллионов крестьян, правительство восприняло употреблять слово «голод», заменив его «недородом». Это обстоятельство не помешало крестьянам помирать от голодного тифа. Но рабочие, в отличие от крестьян, умеют отвечать на голодовку не только смертью, но и бунтами. Вот почему, не довольствуясь заменой слова «кризис» более успокоительным «заминка», правительство, в лице графа Келлера, приняло меры к очищению Екатеринославской губернии от беспокойной толпы безработных, особенно неудобной перед первым мая, или, как выражаются либеральные «Русские Ведомости», «приняло меры к облегчению нужды». Именно, граф Келлер предложил всех уже рассчитанных рабочих и тех, которые будут рассчитаны до 14 марта, перевести бесплатно на места родины. Мера эта принята с'ездом. Говоря проще, от безработицы царское правительство помогает рабочим бесплатной высылкой их на родину, где они могут беспрепятственно голодать, никого не смущая своим видом и не вызывая опасений о нарушении общественного порядка. Будьте спокойны, безработные! Его величество уверено, что это только «временная заминка»; по окончании ее капиталисты гостеприимно пригласят вас обратно, а торговцы живым товаром — подрядчики — охотно снабдят вас деньгами на — уже платный — обратный проезд с места родины!

Белосток. 4 марта Белосток был в первый раз свидетелем большой уличной демонстрации — хоронили еврейского шетинщика Высоцкого, умершего от чахотки. В похоронной процессии приняло участие до двух тысяч человек. Гроб был украшен красной лентой с еврейской надписью: «Социалисты — борцу за свободу». На главной улице, Николаевской, по которой направилась процессия, запели революционные песни. Около тюрьмы к песням присоединились возгласы: «Долой самодержавие! Да здравствует социализм!». День был праздничный, и на улицах замечалось необычное оживление. Большая толпа прикнули к процессии и проводила ее до самого кладбища, за несколько верст от города. Жандармерия и полиция растерялись и не знали что делать. На кладбище были произнесены революционные речи. В одной из них упоминалось, между прочим, и об убийстве Боголепова. Отдав последний долг товарищу, все с пением повернуло назад к городу. Только тогда полиция решилась, наконец, вмешаться и сделала попытку разогнать собравшихся. Произошло небольшое столкновение, и был арестован один рабочий. В городе только и речи, что о демонстрации. Впечатление сильнейшее. Сочувствие всех кругов на стороне рабочих.

Николаев. На прошлой неделе (15 или 16 марта) в нашем коммерческом порту произошла стачка рабочих, занятых нагрузкой зернового хлеба на иностранных пароходах. Грузовые рабочие формируются отчасти из босяков или лиц, не нашедших себе заработка; немало лиц из местного населения занимаются этим делом с ранней молодости. Обыкновенно рабочие нанимаются подрядчиками, у которых работают по целым годам и которые, благодаря этому, сильно наживаются, а некоторые составили себе очень изрядные состояния. Нанимаются рабочие через приказчиков в трактирах часа в три утра и работают до позднего вечера с небольшим перерывом для завтрака и часовым отдыхом для обеда. Плата поденная колеблется от 1 до 2½ рублей, иногда летом доходя в горячую пору до 3—4 руб. Расчет производится в трактире в тот же или на другой день, при чем не обходится довольно часто без обмана в виде недодачи следуемых по условию денег, которые распределяются по карманам приказчиков или самого подрядчика.

Работа очень тяжелая. Мешки в 5—8 пудов приходится снимать с повозки себе на плечи, нести их в согнутом положении по сходам на протяжении 7—8 сажень и на высоту 2—3 саж. и затем ссыпать зерно в трюм, не спуская с плеч мешка. Работа на солнце и под непогодой крайне однообразная и утомительная и вдобавок причиняющая болезнь глаз и легких массой пыли, которая сыплется с мешков. Всю зиму у нас не было грузки. Лишь на прошлой неделе появилась работа срочная. Берг, самый крупный из подрядчиков, получил предложение представить 300 чел. рабочих. Он нанял их по 1 р. 20 к. в день. Началась работа, но вдруг около полудня все бросили работу, собрались на площади около пристани, и здесь начались разговоры о том, что следует увеличить плату до двух рублей (ведь добились же марсельские, почему же и нам не попытаться? — говорили рабочие), работать только до гудка (до 6 часов вечера), наем и расплату производить не в трактирах, а на пристани. Требования эти были устно пред'явлены самому подрядчику Бергу. Тот сначала прикинулся непонимающим, а потом стал всячески застрашивать рабочих, но те не поддавались. И подрядчику в виду срочности грузки ничего не оставалось, как уступить. Но он, конечно, не мог им простить своей уступки. Возмущенный упорством рабочих, он обратился за содействием к полиции. И на другой день чуть свет на пристани появились чины, которые начали было усовещать рабочих, но, видя их стойкость, оставили их в покое. Тем временем рабочие, имея в виду угрозу Берга выписать рабочих из других городов, решили не допускать конкуренции, и в случае, если бы появились конкуренты, предложить им работать на тех же условиях, иначе не допускать их к работе. Выбрали старосту, который распределял бы работу, устанавливал бы очередь, наблюдал бы за исполнением условий. Рабочие придумали было еще больше повысить заработную плату. Узнав об этом через своих приказчиков, подрядчик Берг попробовал воздействовать вновь на рабочих, но услышал от одного из них: «Ведь, вам, очевидно, выгодно, если вы уступили». Тут подрядчик совсем потерял терпение. Понимаете, — говорит он, — он мне сказал: вам выгодно — и «очевидно». Это «очевидно» не давало ему покоя, и он решил облегчить себя в кабинете жандармского управления. Полковник принял большое участие в его горе. Берг указал как на виновника всего этого на рабочего Половинкина, которого рабочие выбрали в старосты. Жандармский полковник не заставил себя долго просить, и Половинкин 18 марта был арестован, а затем отправлен на родину в Тверскую губернию. Но дело все-таки продолжается. Рабочие получают по два рубля в день, нанимаются на пристани и работают только до свистка. А очередь они сами между собой распределяют.

Из Иваново-Вознесенска нам пишут: «18 января у нас на Бакулинской фабрике было маленькое столкновение с заведующим фабрикой Грязновым и помощником фабричного инспектора Капица. Поводом послужило частое задержание заработков, далее понижение расценок, вызванное введением новых сортов тканей, грубое обращение и частые штрафы. Все переговоры с г. Гряз-

новым не привели ни к чему. На наше требование, чтобы расценки при выработке новых сортов ткани были немедленно вывешены, что иначе рабочие рискуют вместо обычных 15—18 руб. выработать всего рублей семь в месяц, Грязнов ответил довольно вызывающе: „Ну, и будете работать за 7 руб., коли не дам больше“. Тогда мы потребовали к себе помощника фабричного инспектора. На это Грязнов ответил с иронией: „Вызывайте и помощника; все равно будет по-моему“. В тот же день приехал помощник фабричного инспектора, который при виде громадного числа собравшихся рабочих пришел в ярость и набросился на нас с пеной у рта. Конечно, мы, рабочие, этого не испугались и заявили ему об обязанностях фабричного инспектора и о том, чтобы он разобрал дело по существу. Выборные (чел. 15) предъявили Капице такие требования: 1) своевременная выдача заработной платы; 2) уравнивать заработок на новой работе так, чтобы общий месячный заработок не понизился: уничтожение товара „саручи“, как очень вредно отзывающегося на здоровье рабочих; 3) сокращение штрафов, чтобы штрафы налагались исключительно за небрежность; 4) более наблюдать за чистотой отхожего места и улучшить гигиенические условия; 5) удалить заведующего (он же и мастер) за очень дурное отношение к рабочим. Все это помощник инспектора записал, дав ответ в уклончивой форме — мол, поговорю об этом с хозяином фабрики, а вы ступайте работать. На другой день мы напрасно ожидали помощника в назначенное время, — он не явился, и пришлось опять вызывать его. На этот раз помощник инспектора уже не кричал на нас, как накануне, а старался втолковать рабочим покорность и рабское подчинение хозяину и его заведующему Грязнову, ибо этого, мол, требует закон. „По закону вы не имеете права жаловаться и требовать от хозяина поступков, которые он находит для себя нежелательными. Вы должны принять те расценки, которые он вам предлагает, а кто не желает, пусть заявит расчет и пусть не мешает работать другим“. Относительно штрафов помощник инспектора сказал, что на нашей фабрике штрафуют совсем мало, что на других фабриках штрафуют гораздо больше; отхожее место тоже прекрасно, и если и есть грязь, то он, инспектор, видел еще более грязные и худшие; заведующий Грязнов, по словам помощника инспектора, оказался очень хорошим человеком. На это рабочие ответили ему, что, если он не уберет от них Грязнова, то они сами постараются сделать это. Так отнесясь к нашим требованиям приставленный правительством защитник рабочего класса. Но рабочие стояли на своем и целую неделю почти ежедневно вызывали помощника инспектора, что последнему очень надоело. В конце концов г. Капица принял самые суровые меры против рабочих, и хотя рабочие указывали ему, что он помощник фабричного инспектора, а не полицейский чиновник, он все-таки призвал полицмейстера, который явился с казаками. Кончилось все же тем, что удовлетворили часть рабочих требований, уплатили по-старому расценку по день заявления и дали некоторые обещания».

* * *

Мы можем посоветовать товарищам, которым приходится иметь дело с такими фабричными инспекторами, как Капица, бойкотировать их, т.-е. отказываться объяснять им свои жалобы, указывая на их полицейский образ действий. Капиталисты давно завели обычай сообщать своим собратям списки тех рабочих, которые уволены за непокорный нрав, для того, чтобы их никуда не принимали. Поступайте таким же образом, товарищи, и обращайтесь к собратям по труду на других фабриках с предложением не иметь дела с гг. Капицами, которым рабочие должны объяснять, что они поставлены не полицейскими, а наблюдателями за исполнением законов фабрикантами. Такой же образ действий рекомендуем по отношению к полицмейстерам, которые являются с казаками туда, где и в помине нет каких-либо беспорядков. Откажитесь объясняться с полицией о своих нуждах и заявляйте, что об этом будете разговаривать с чинами инспекции (теми, которые захотят вести себя как инспектора, а не как полицейские) только тогда, когда полиция уберется

во-своих. Если полиция не уйдет, советуем в подобных случаях поступать так: прекратить всякие разговоры о своем недовольстве и работать спокойно, пока полиция не удалится, а когда она это сделает, снова браться за свое и вызывать инспекцию. В заключение добавим, что русские рабочие только тогда добьются того, чтобы фабричная инспекция исполняла свой долг, когда инспектора, как все другие чиновники, будут зависеть не от министров, как теперь, а от выбранного всенародно и всем государством управляющего Земского Собора (парламента) и когда рабочие будут иметь свободу собраний и печати, чтобы всенародно клеймить и держать в узде рьяных лакеев капитала, как разные гг. Капицы.

ИЗ ПАРТИИ

Петербургский «Комитет Рабочей Организации» продолжает издавать свой периодический «Листок». Нам доставлены номера 5—8. Содержание этих листков носит в себе следы критического момента, переживаемого петербургскими рабочими, как и рабочими большей части России. Безработица и общий застой в производстве должны были необходимо отозваться полной приостановкой того стачечного движения, которое до сих пор составляло главное основание деятельности наших местных организаций, определяя собой и содержание их агитации. Перед фактом повсеместного общего ухудшения положения рабочих масс и массовой безработицы совершенно бледнеют факты частных столкновений труда с капиталом, поглощавшие до сих пор главное внимание наших товарищей-практиков. Пришлось направить агитацию на основные вопросы положения рабочего класса, на вопросы о классовой борьбе в целом, о ее конечных целях и ближайших общих задачах русского рабочего движения. Таким образом, сама жизнь вынуждает практических деятелей партии стать на путь такой агитации, которая исходит из основных моментов классового положения пролетариата и освещает в сознании масс исторический смысл их социальной борьбы. Издаваемые «Комитетом Рабочей Организации» листки в этом отношении носят характер, совершенно отличный от того, каким отличались прокламации «Союза Борьбы» за последние два-три года.

Само собой разумеется, что все наше сочувствие на стороне такой широкой агитации. Но мы полагаем, что та тактика, которой в настоящее время старается держаться «Комитет Рабочей Организации», уместна и необходима не только в моменты кризиса, но что она должна определять содержание агитации, ведущейся всякой местной организацией, в моменты расцвета промышленности так же, как и в период застоя. Только такая широкая и принципиально выдержанная тактика, постоянно ведущаяся передовым отрядом рабочего движения, способствует социалистическому и политическому развитию рабочих масс. Напротив, тактика, которой держались до сих пор петербургские товарищи из «Союза Борьбы», тактика, всецело обусловленная частными столкновениями рабочих с капиталистами на почве частных вопросов профессионального характера, должна была сделать как самые массы, так и их передовой отряд — организованные группы — неподготовленными к твердой и решительной агитации, ставшей очевидной для всех необходимостью в момент общего кризиса.

Именно об этой неподготовленности с.-петербургской организации к успешному организационному использованию условий, созданных для рабочего класса безработицей, и свидетельствуют листки петербургского «Комитета». Мы видим несомненное стремление освободиться от узости исключительно стачечного движения, вкоренившегося в петербургских деятелях за последние годы. Чувствуется, что мысль рвется за эти тесные пределы в поисках более действительных средств борьбы. И в то же время замечается, что люди не выяснили самим себе достаточно твердо, какие средства борьбы применимы в настоящее время для русского пролетариата.

В первых листках мы замечаем один голый призыв рабочих масс к организации, при чем ближайшие цели этой организации формулируются еще в старом духе «Раб. Мысли» — борьба с капиталистами путем стачек за лучшие условия труда в данной отрасли. В листке № 5 (декабрь 1900 г.), объясняя рабочим невозможность стачки во время промышленного застоя, «Комитет» предлагает рабочим организовать и переждать, пока наступит новый подъем промышленности (почему-то ожидавшийся после рождественского праздника), чтобы тогда устроить всеобщую стачку. При этом предполагается выставить самые разнообразные требования: от сокращения рабочего дня до улучшения санитарных условий труда и от «прав устраивать потребительные лавки» до свободы стачек, союзов и собраний.

В листке № 6 (январь 1901 г.) «Комитет», предвидя возможность продления безработицы, указывает рабочим на другое средство борьбы, пригодное и во время застоя — манифестация, о которой подробнее говорится в № 7, при чем ясно поставлено уже основное политическое требование рабочего класса — «право участия в составлении и издании законов и в управлении государством при посредстве своих выборных». Но этот призыв к манифестации стоит в резком противоречии с советами, которые «Комитет», следуя учению «Раб. Мысли», давал в своих первых листках. Там он, призывая к стачке, отвергал всякую публичную демонстрацию, ссылаясь на знаменитый отзыв Клейгельса о том, что он справится с 10.000 рабочих, вышедших на улицу, и ничего не поделает против нескольких десятков рабочих, сидящих по домам.

Таким образом, «Комитет Петербургской Организации», повидимому, отражает в своей агитационной литературе тот ход развития, который прошло сознание петербургских рабочих масс в течение периода промышленного кризиса. Но передовой организационный отряд рабочего класса не может ограничиться такою ролью пассивного выразителя понимания вовлеченных в движение масс. Он должен стоять на высоте понимания всего рабочего движения в целом, и только в этом случае он может играть активную роль в руководстве движением масс. Он должен неустанно и неумолчно излагать массам социал-демократическую программу, пропагандировать и применять все пригодные для движения тактические приемы, и каждый критический момент должен его заставить готовым к действию.

Если бы петербургский «Комитет» приступил к своей деятельности вполне вооруженным в этом отношении, если бы, прежде всего, в период, предшествовавший его возникновению, среди рабочих С.-Петербурга выработалось более глубокое понимание основных задач нашего движения, несомненно, что его политическая агитация за прошедшую зиму привела бы к более заметным результатам. Тогда бы и политический кризис, вызванный студенческим движением и так удачно совпавший с кризисом экономическим, не застал бы врасплох авангард петербургских рабочих, и последний сумел бы встать во главе тех рабочих масс, которые приняли участие в противоправительственных демонстрациях 20 февраля и 4 марта и придать участию этих масс более сознательный характер.

Листок № 8, изданный ко дню 19 февраля, выгодно отличается от всех прочих как яркостью изложения, так и серьезностью политической мысли. Пожелаем «Комитету Петербургской Рабочей Организации» поскорее оправиться от ударов, нанесенных жандармерией, и усиленной принципиально выдержанной агитацией наверстать то, что упущено петербургским рабочим движением в период нераздельного господства в нем «экономистов» «Рабочей Мысли».

С удовольствием отмечаем, что «Комитет» выпустил прокламацию по поводу демонстрации 4 марта, в которой петербургские рабочие призываются применять этот способ борьбы за политическую свободу.

Вышедший в марте № 4 «Южного Рабочего» — такое же отрадное явление в нашей нелегальной печати,

как и № 3, имевший громадный успех повсюду в России. Все статьи, написанные на самые разнообразные темы, проникнуты одним и тем же строго выдержанным направлением; как социалистические, так и политические цели движения подчеркиваются при рассмотрении каждого вопроса. Передовая статья призывает южно-русских рабочих к активной политической борьбе посредством манифестаций и всеобщей стачки и заканчивается приглашением готовиться к майскому празднику. Живо написанная статья «Кто виноват» (почему падает заработная плата на южно-русских заводах) подводит итоги развитию южно-русской промышленности за последнее десятилетие, закончившемуся кризисом, и рассматривает, как отразился этот ход развития на рабочих. Статья о неприкосновенности личности в России призывает к борьбе с самодержавием «за лучшую долю рабочих, за освобождение деревни от последних цепей рабства, за победу света над мраком и невежеством, за свободу, равенство и братство народов». Отметим, что статьи на такие темы — новое, очень симпатичное явление в нашей рабочей печати. Статьи «XIX век» дает сжато и вместе с тем достаточно полно составленный обзор социальной эволюции в протекшем веке. Весьма богат отдел корреспонденций.

Нет никакого сомнения, что новый тип агитационной печати, созданный «Южным Рабочим», подвергнется многим нападкам. Мы советуем южным товарищам не смущаться этими нападками и продолжать свое дело, так как они стоят на верной дороге. Советуем им не верить, будто бы их газета по серьезности содержания не соответствует уровню понимания русских рабочих масс, советуем не обращать внимания на требование стать «доступнее». Насколько мы знаем, «Южн. Рабочий» пользуется большим успехом среди рабочих, которые, очевидно, о своей способности понимать политическую литературу держатся несколько иного мнения, чем их друзья — интеллигенты известного толка.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Получено редакцией «Искры»: от Монаха 1.500 р.; от Ф. Я. У. 150 р.; от его приятеля 200 р., одним из петербургских представителей «Искры» собрано 387 р. 50 к. (Ежемесячные взносы: Л. Г. Яза я., ф., м. 18 р. М. А. П. за я., ф. 20 р.; Т. О. за я., ф., м. 9 р.; П. О. за я., ф., м. 9 р.; X. О. за м. 3 р.; - - - за м. 1 р.; через Ч. за м. 75 р.; Леля за м. 5 р.; сбор 53 р., то же 34 р., то же 15 р., W. 75 р.; Т. И. 10 р.; Т. И. 5 р.; участники манифестации 4 марта 25 р.; Бб. 11 р.; за литературу 15 р., то же 4 р. 50. Всего приход 387 р. 50 к., расход 17 р., деньги еще не получены. Из Манчестера 19 р. (2 ф. ст.).

В кассу организации «Искры» поступило с 1 сентября 1900 г. по 1 марта 1901 г.: из Киева 35 р.; из С. 10 р.; из П. 15 р. 20 к.; из Харькова 3 р. 25 к.; из Сибири 50 р. (в том числе от «Общества помощи политическим ссыльным и активному делу» 41 р.); с Кавказа 25 р.; из М.-вы через П. 40 р.; из СПб. 440 р. 30 к. (через М. 284 р. 10 к., трудовые 26 р. 20 к., А. Б. и М. 90 р., через Я. 15 р., через Т. 25 р.). Итого 618 р. 75 к.

Редакция «Зари» просит нас напечатать, что ею получено: из Парижа 350 фр. (в том числе 325 фр. от пар. гр. сод. и 25 фр. от старого народовольца), из Америки через Аксельрода 250 фр., из Женевы от организации «Социал-Демократ» 150 фр.

2а3б. Все получаем. Спасибо. Пишите.

Отложены, по недостатку места, статьи «Самодержавие и финансы», «Самодержавие и земство» и «Иностранное обозрение».

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Статья Ленина: «Рабочая партия и крестьянство» кажется случайной и затушеванной остальным содержанием номера, посвященного злобе дня — бурному выступлению студенческой молодежи на путь борьбы. На самом же деле именно ленинская статья представляет центр тяжести в номере. Она возбудила самый живой интерес среди рабочих и крестьянских масс. И действительно, в ней настолько полно и отчетливо изложена точка зрения «Искры» на крестьянский вопрос, что она является лучшим, исчерпывающим комментарием к принятой на II съезде аграрной программе.

Прим. 2. Этот отдел был составлен гл. обр. Мартовым (см. «Письма Аксельрода и Мартова», стр. 23).

Прим. 3. Относительно роли «Союза» в студенческом движении этого времени Мартов в письме к Аксельроду пишет: «„Петерб. Союз Борьбы“, который, медленно эволюционируя за последнее время влево, дошел теперь, приблизительно, до позиции, занимаемой правым крылом „Раб. Дела“, — этот „Союз“ констатировал в последних событиях полное свое политическое бессилие. На демонстрацию 4 марта он не звал рабочих, ограничившись только тем, что „дoveя до сведения“ о приглашении студенческого комитета».

Прим. 4. Группа «Социалист» образовалась летом 1900 г. из остатков «группы 20», разгромленной жандармами (от нее уцелели Н. Иорданский и П. Щеголев). В группу «Социалист» вошли Б. Савинков, П. Рутенберг, Е. Бройдо-Гордон и др. Хотя возникновение этой группы можно было бы рассматривать как результат недовольства некоторой части социалистической интеллигенции «экономическим» уклоном официальных с.-д. организаций, тем не менее собственная физиономия группы имела в высшей степени неопределенный характер. Достаточно сказать, что она обращалась за литературным содействием к таким лицам, как В. И. Семевский, П. Н. Милюков, В. Португалов, Струве, Туган-Барановский и т. п. Один из видных ее деятелей, Б. Савинков (впоследствии правый эс-эр и злейший враг Советской России), требовал сближения с народническими группами. На время удельный вес группы очень увеличился в виду связи ее с возникшей в это время в Вильне типографией «Рабочей Библиотеки». Группа «Рабочей Библиотеки» успела уже на шуметь, выпустив 4—5 брошюр, но, благодаря провокации известного Гуровича, была в январе 1901 г. разгромлена, а несколько месяцев спустя та же участь постигла и гр. «Социалист».

Незадолго перед своим концом гр. «Социалист» вела переговоры с другой такого же рода «блуждающей кометой» — группой «Рабочее Знамя». Эта последняя возникла в 1897—98 гг. из оппозиционных кружков белостокской организации Бунда, группой питерских с.-д.-ов, а также киевских. Вдохновителем и инициатором группы «Раб. Зн.» был рабочий — ювелир Михаил Лурье. Он не был солидарен с киевской группой «Раб. Газеты», подготовлявший I Съезд Партии, и решил одновременно с попыткой киевлян создать самостоятельную партию под именем «Русской с.-д. партии». Особенность «Партии», которая создавалась около «Рабочего Знамени», заключалась в том, что она «экономическому» направлению многих других с.-д. организаций резко противопоставила свой уклон в сторону политической борьбы. С перерывами группа просуществовала до 1901 г., выпустив 3 номера (первый и 3-й в России и 2-й в Лондоне), а также ряд брошюр. Наиболее видными ее деятелями, кроме М. Лурье, были — Арон Лурье, И. М. Ромм, С. Антропов, В. П. Ногин, С. О. Ежов-Цедербаум (брат Мартова), А. Сольц и др. В 1901 г. большинство из них примкнуло к группе «Искры». Антропов и Ногин, прибывшие из Лондона в Россию в 1901 г., как агенты «Искры», скоро были выслежены и арестованы.